ЕРМАКЪ

или

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

XVI СТОЛѢТІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

ПАВЛА СВИНЬИНА.

Часть вторая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1834.

ЕРМАКЪ

или

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

ЕРМАКЪ

ИЛИ

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

XVI СТОЛѢТІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

ПАВЛА СВИНЬИНА.

Сбылось пророчество ужасно!
Плѣнилъ, попралъ Сибирь Ермакъ!
И. И. Дмитріевъ.

Часть вторая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Х. ГИНЦЕ.
1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи были представлены въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 10 Февраля 1834.

Цензоръ П. Гаевскій.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА I.

Стр.

Взглядъ на Орелъ-городокъ. — Любопытное преданіе. — Великолѣпіе палатъ Строгонова. — Его богатство и могущество. — Прелестная дочь Максима Яковлевича. — Лифляндскій рыцарь. — Безразсудная любовь. ..... 1.

ГЛАВА II.

Козаки у Строгонова. — Сипскому угрожаетъ опасность. — Коварные замыслы подъячаго Ласки. — Бесѣда Строгонова съ Ермакомъ Тимофеевичемъ..... 39.

ГЛАВА III.

Забавы Спрогоновыхъ. — Хвастливый карло. — Влюбчивая дура. — Противуположность братьевъ Спрогоновыхъ. — Пиръ у имянинницы. — Заздравный кубокъ. — Тайна любви открыта..... ..... Стр. 59.

ГЛАВА IV.

Снаряженіе козаковъ въ походъ. — Частыя бесѣды. — Ошибка. — Честолюбивые виды Спрогонова. — Новое коварство Мещеряка..... 79.

ГЛАВА V.

Козаки отправляются въ походъ. — Устройство рати. — Правда въ шуткѣ. — Молебствіе. — Знамена. — Щастливая перемѣна для рыцаря..... 95.

ГЛАВА VI.

Трудное плаваніе по рѣкѣ Силвѣ. — Отдохновеніе. — Прибытіе Шамана. — Печальное извѣстіе о Великѣ. — Бѣгство подъячаго Ласки. — Возвращеніе козаковъ

на Чусовую. — Бѣдствіе на сей рѣкѣ. — Стр.
Трудности при достиженіи Серебрянки. —
Изобрѣтеніе Ермака перебираться черезъ
мели. — Зимовье. — Кукуй..... 115.

ГЛАВА VII.

Отправленіе Грозы въ Орелъ-городокъ.—
Успѣхи рыцаря въ любви. — Приключенія
Грозы на лыжахъ. — Сѣверное сіяніе. —
Осада Пелымцами Орла-городка. — Избавленіе. — Похищеніе. — Смерть рыцаря. 141.

ГЛАВА VIII.

Строгость Ермака Тимофеевича къ своимъ подчиненнымъ. — Устройство дружины. — Прибытіе въ Чердынь Аничкова. — Нерѣшимость его объявить Строгонову грозную Царскую грамоту. — Ненависть Воеводы Перепелицына къ Строгонову..... 161.

ЕРМАКЪ
ИЛИ
ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

ГЛАВА I.

Взглядъ на Орелъ-Городокъ. — Любопытное преданіе. — Великолѣпіе палатъ Строгонова. — Его богатство и могущество. — Прелестная дочь Максима Яковлевича. — Лифляндскій рыцарь. — Безразсудная любовь.

Рука времени измѣнила наружный видъ и многихъ Сибирскихъ пустынь, не менѣе населеннѣйшей части Россіи. Кто бы, напримѣръ, увидя небольшую каменную церковь новѣйшей архитектуры, правильную слободку, состоящую изъ бѣдныхъ хижинъ, населенныхъ двумя семьями Камскихъ лоцмановъ, обширные огороды, снабжающіе Усолье и Дедюхино поваренными ово-

щами, подумалъ, что это мѣсто достопамятной столицы Строгоновыхъ — ***Орла-Городка***, иначе Кергеданомъ называвшагося, въ стѣнахъ коего составлено было великое предпріятіе — завоеванія Сибири, изъ стѣнъ коего Ермакъ двинулся на сей безсмертный подвигъ! Но таковъ законъ природы: не выходя изъ Россіи, найдемъ убѣдительнѣйшія доказательства, что всё, произведенное рукою смертнаго, какъ бы оно огромно, великолѣпно ни было, дряхлѣетъ, исчезаетъ съ лица земли, превращается въ тлѣнъ, въ ничтожество, подобно самому надменному творцу онаго! Одно имя, одна слава, переживаютъ бытіе человѣка и его творенія. Посмотрите, едва кучи камней и колючія терніи, указываютъ теперь страннику о существованіи

Танаиса, Ольвіи, Болгаръ, а исторія ихъ перейдетъ въ позднѣйшія потомства! Мудрено ли послѣ сего, что въ Орлѣ-городкѣ осталось мало предметовъ, напоминающихъ о его прежнемъ величіи, и только Евангеліе, показываемое въ церкви, писанное Марьею Яковлевною, супругою именитаго человѣка Григорія Дмитріевича, да жемчужныя оплечья у двухъ ризъ, низанныя также ея рукою, составляютъ воспоминаніе о столицѣ Строгоновыхъ, обладателяхъ земель, равнявшихся пространствомъ своимъ Франціи, совокупно съ Испаніею!

Есть преданіе, что на мѣстѣ, занимаемомъ теперь въ Орлѣ-Городкѣ храмомъ Господнимъ, возвышались три огромные дуба, на коихъ, какъ Соловей разбойникъ,

свилъ себѣ гнѣздо огромный орелъ, бывшій ужасомъ окрестностей. Въ самомъ Дедюхинѣ, отстоящемъ отсюда въ 15-ти верстахъ, матери должны были сторожить дѣтей своихъ съ бдительностію зоркой насѣдки, берегущей птенцовъ отъ хищничества ястреба. При малѣйшей неосторожности или удаленіи ребенка отъ жилья, налеталъ, или, лучше сказать, низпадалъ, какъ камень съ неба, свирѣпый царь птицъ, и уносилъ въ мощныхъ когтяхъ своихъ бѣднаго младенца, не смотря на вопли и стенанія выбѣгавшихъ для защиты его жителей, на тучи стрѣлъ, пускаемыхъ ему въ слѣдъ. Первыя его не трогали, вторыя какъ будто отскакивали. Тщетно старались найти его жилище, а справедливѣе, кажется, боялись открыть оное; ибо между

туземцами сохранялся какой-то суевѣрный страхъ и благоговѣніе къ пернатому хищнику, который пишался, будто, однимъ человѣческимъ мясомъ. Страхъ сей, вѣроятно, перешелъ и къ Русскимъ селенцамъ Дедюхина, гдѣ Строгоновы устроили богатыя варницы. Однажды это случилось въ глазахъ самаго Аники, пріѣхавшаго изъ Сольвычегодска взглянуть на свои Камскія заведенія. Напрасно уговариваютъ его, оставить намѣреніе итти въ преслѣдованіе своего непріятеля, напрасно пугаютъ его разными ужасами, изобрѣтенными пугливымъ воображеніемъ язычества: Аника съ пищалію въ рукахъ, и въ сопровожденіи вѣрнаго своего слуги Провора, тотчасъ же отправился за похитителемъ, по направленію его полета. Они слѣ-

дили его, не смотря, что шли частымъ лѣсомъ, коими покрыты были иногда берега Камы. Орелъ, плавая съ добычею своею надъ вершинами деревъ, велъ ихъ за собою, какъ будто съ умысломъ. Но лѣсъ дѣлался часъ отъ часу мрачнѣе, *непроходимѣе*: *свидѣтели мірозданія* — косматыя ели и пихты, такъ дружественно обнимались между собою, что не оставляли почти ни малѣйшей скважины. Съ большимъ запрудненіемъ путешественники наши подвигались впередъ. Но зачѣмъ итти далѣе? Предметъ, ими преслѣдованный, давно уже скрылся отъ нихъ, время уже клонилось къ вечеру. Аника былъ въ раздумьѣ. Вдругъ слухъ его поражается необычайнымъ карканіемъ воронъ, и онъ видитъ стаю сихъ плотоядныхъ птицъ, порхающею

вокругъ купы высокихъ дубовъ. И что же представилось глазамъ его? Въ гнѣздо, устроенное на вершинѣ сихъ исполиновъ, принесъ орелъ добычу свою, и сѣвъ надъ нею съ разинутымъ отъ усталости, огромнымъ клевомъ своимъ, какъ будто съ презрѣніемъ бросалъ взоры на шумныхъ подданныхъ своихъ, жаждавшихъ поживиться остатками его добычи, подобно тому, какъ волки и шалкалы щечатся костями, оставляемыми имъ великодушнымъ властелиномъ степей Африканскихъ, послѣ побѣды слона и носорога! Мгновеніе — и кровожадный царь Камскихъ лѣсовъ лежалъ низверженнымъ у ногъ Аники, — пуля поразила его прямо въ грудь.

Усердный Проворъ показалъ удивительное проворство въ снятіи

ребенка изъ орлинова гнѣзда. Хотя раны, нанесенныя несчастному когтями орла, были глубоки, и онъ не показывалъ ни малѣйшихъ признаковъ жизни, но опытный въ лѣченіи Аника, не отчаявался въ его исцѣленіи, приписывая его безчувственность испугу. И дѣйствительно! Въ скорости отъ одного дѣйствія холодной воды ребенокъ очнулся, и не прошло мѣсяца, какъ онъ совершенно исцѣлился отъ язвъ своихъ. Аника Ѳедоровичь, полюбивъ дитяцію, чудесно имъ спасеннаго, не разставался съ нимъ болѣе. Въ память сего происшествія, къ имени Дениса, придано было ему прозваніе Орелъ, — и Орелъ имѣлъ счастіе въ послѣдствіи времени, оказать своему спасителю такія услуги, что разквитался совершенно за его благодѣянія. Однимъ сло-

вомъ, Орелъ былъ правою рукою умнаго Аники Ѳедоровича во всѣхъ дѣлахъ его, во всѣхъ предпріяшіяхъ, а на старости лѣтъ, во время описываемой нами эпохи, былъ скорѣе старшиною семейства Строгоновыхъ, чѣмъ слугою.

Аника Ѳедоровичъ сначала, какъ водилось по старому въ православной Россіи, въ знакъ благодарности Господу Богу, за столь явную къ себѣ милость, соорудилъ на мѣстѣ трехъ дубовъ церковь, а потомъ, мало по малу, полюбя это мѣсто, — а можетъ быть, найдя его способнѣе другихъ для наблюденія за коммерческими сношеніями, увеличивавшимися безпрестанно по Камѣ и Волгѣ, поставилъ небольшой домъ для своего жительства, а потомъ и совсѣмъ здѣсь поселился. Правду сказать, что пораженіе

чуднаго орла живымъ огнемъ, о коемъ мало еще имѣли понятія, не мало содѣйствовало къ увеличенію той поверхности и власти, подобной Самодержцу, которую пріобрѣлъ онъ умомъ своимъ и характеромъ надъ всѣми окрестными народами. Они считали его выше человѣка, и питали неограниченное подобострастіе и даже боязнь.

Это же происшествіе дало названіе ***Орла-Городка*** и самому мѣсту, хотя въ послѣдствіи старались перемѣнить его на Кргеданъ.

Прошло съ полвѣка отъ времени первоначальнаго основанія Орла-городка, уже не было на свѣтѣ знаменитаго его основателя Аники Ѳедоровича, но потомки его имѣли въ немъ постоянное пребываніе, и Кар»еданъ представлялъ средото-

чіе жизни и дѣятельности всего Сибирскаго края. Начнемъ съ описанія стѣны, коею обнесена была сія грозная крѣпость. Не подумайте, чтобъ стѣна сія была каменная, или сдѣлана по образцу новѣйшей защиты, или по крайней мѣрѣ усилена земляным*ъ* валомъ, или глубокимъ рвомъ. Нѣтъ! она состояла просто изъ высокаго палисада, съ завостренными концами, надолбами и рогатками, и съ рубленными въ лапу клѣтками или башнями, возвышавшимися по всѣмъ угламъ или заворотамъ; а какъ ихъ было шесть, то и башень считалось столько же. Каждая изъ сихъ послѣднихъ снабжена была пищалью и двумя запинными самопалами или фузеями, которые, грозно выставляя свои заржавленныя жерла изъ бойницъ, приводили въ трепетъ

цѣлые народы, хотя правду сказать, страшнѣе были разсказы — переливавшіеся изъ устъ въ уста, — отъ Студенаго океана до моря Хвалынскаго, о чудесахъ живаго огня, мечущаго смерть за 20 верстъ, чѣмъ самое ихъ дѣйствіе. Можно было опасаться, что при первомъ зарядѣ, большая часть сихъ страшныхъ орудій не выдержала бы залпа и разлетѣлась по кускамъ: въ такомъ младенчествѣ находилась артиллерія города Орла, не смотря, что Размыслъ, къ ней приставленный, былъ изъ Нѣмчинъ.

Воротъ въ крѣпость было не болѣе двухъ, да и то только одни восточные, т. е. отъ рѣки, отворялись, другіе же, съ противоположной стороны, всегда содержались запертыми, равно какъ и *подлазы* завалены были каменьями

и всякою нечистотою. Прямо противъ первыхъ воротъ находилась пристань, т. е. наколочено въ берегъ нѣсколько свай, за которыя припягивались суда, приходившія изъ Дедюхина и съ Волги, ибо какъ вверхъ, такъ и внизъ по Камѣ не было другаго пути, кромъ рѣчнаго.

Если крѣпость Каргеданъ не могла похвалиться исправностію своей артиллеріи, то гарнизонъ ея отличался примѣрною дисциплиною. Онъ состоялъ изъ 100 человѣкъ разной націи: Нѣмцевъ, Литовцевъ, Поляковъ, Русскихъ, выкупленныхъ у Нагайцевъ, увозившихъ съ собою своихъ плѣнныхъ, или получавшихъ ихъ въ награду отъ Русскаго Царя, за содѣйствіе въ войнахъ его съ Ливоніею и божьими Дворянами. Бывъ искупле-

ны Строгоновыми изъ самой мучительной неволи и содержимы въ довольствѣ, Нѣмцы служили имъ ревностно, одни изъ благодарности, другіе, надѣясь выслужить свою свободу и возвращеніе въ отечество. Начальникомъ или Капитаномъ сей храброй дружины былъ Рыцарь Фонъ-Рекъ, завладѣвшій вкрадчивымъ умомъ своимъ и пріятною наружностію, довѣренностію Максима Яковлевича. Но, не смотря на неограниченную къ нему любовь главы семейства Строгоновыхъ, Денисъ Орелъ считался еще хозяиномъ, по нынѣшнему Комедантомъ крѣпости, и имѣлъ непосредственный надзоръ за самою стражею. Денно и ночно у рѣчныхъ воротъ стояли часовые, а сверхъ того три раза въ ночь ходилъ обзоръ вокругъ крѣпости. Бдитель-

ный, осторожный Денисъ, съ неумолимою строгостію наблюдалъ за симъ порядкомъ, и не рѣдко навлекалъ тѣмъ на себя ропотъ безпечной молодёжи.

Взглянемъ теперь во внутренность Каргедана. Противъ деревянной церкви, окруженной обширною висячею папертью, и покрытой чешуйчатою кровлею въ три намета, стояли Боярскія хоромы. Онѣ были также деревянныя, какъ и все прочее строеніе, исключая *казенки*, выстроенной изъ кирпича, въ которой хранились господскія сокровища. Казенка эта была въ нѣсколько ярусовъ, съ узкими галлереями, сообщающимися между собою крутыми лѣстницами. На середней изъ нихъ привѣшено было къ претолстой балкѣ желѣзное било, а у нижней бѣгали по канату

злыя собаки. Стоило бросить взоръ во внутренность сихъ кладовыхъ, чтобъ получить понятіе о богатствѣ Строгоновыхъ, и понять, какъ частные люди могли предпринять завоеваніе Сибири на собственномъ своемъ иждивіи. Нижня кладовая наполнена была золотыми корабельниками, серебряными таллерами и заплеснѣлыми ворохами мѣдныхъ денегъ и мелкихъ копѣечекъ. Во второмъ и третьемъ ярусѣ стояли вдоль стѣнъ и по срединѣ въ два ряда высокіе сундуки, съ драгоцѣнными собольими, лисьими, песцовыми и ш. п. мѣхами, половинками золотой парчи, балдахина, камки и другихъ шелковыхъ Персидскихъ и Индѣйскихъ тканей; по угламъ въ деревянныхъ кадяхъ, обитыхъ желѣзными обручами, насыпанъ былъ жемчугъ. Эта казенка стояла посреди краснаго

двора, и насупротивъ оконъ господской опочивальни. Сзади ея тянулся рядъ клѣтей и сушилъ съ разными хозяйственными запасами, которыхъ количество не менѣе показывало богатство и предусмотрительность Строгоновыхъ. Подъ амбарами устроены были глубокіе погреба для храненія чановъ и бочекъ съ разнаго рода медами. Ближе къ господскимъ хоромамъ видно было нѣсколько обширныхъ избъ. Однѣ изъ нихъ заняты были поварнею, которая служила сборнымъ мѣстомъ, для многочисленной дворни именитаго человѣка, а прочія людскими, въ коихъ обѣдало и жило болѣе 200 человѣкъ съ ихъ семействами. Къ странности того вѣка можно бы замѣтить, что господа мало думали о спокойствіи и удобствахъ своихъ домочадцевъ, —

не смотря на то, они служили имъ усердно и вѣрно, потому уголокъ на печи подлѣ трубы, считался роскошью для обитателей людской, и давался обыкновенно старѣйшимъ или больнымъ.

Между сими избами возвышались обширные ворота, *ведущіе* на красный дворъ. Чтобъ получить о нихъ достаточное понятіе, стоитъ взглянуть на подобные ворота, уцѣлѣвшіе въ Коломенскомъ селѣ отъ пышнаго дворца Царя Алексѣя Михайловича, представляющіе странное соединеніе вкуса Фламанскаго съ Татарскимъ. За амбарами отгорожено было высокимъ частоколомъ небольшое пространство, усаженное черемухами, рябинами, кустами черной и красной смородины и полевой малины. Это называлось садомъ, куда въ жаркую

погоду вносились скамьи, и имени-тый человѣкъ проводилъ съ отцемъ Варлаамомъ нѣсколько часовъ въ благочестивой бесѣдѣ — за кружкою искревшагося меду.

Разнообразіе и узорочность многихъ отдѣленій, составлявшихъ Боярскія палаты, заключали въ себѣ нѣчто величественное. Сколько симметрія и согласіе необходимы въ строеніяхъ правильной архитектуры, столько, напротивъ, безпорядокъ и пестрота придаютъ красоты въ зданіяхъ сего рода. Здѣсь подлѣ большаго окошка, расписаннаго киноварью съ золотомъ, примѣчалась волоковая скважина за желѣзною рѣшеткою; тамъ длинные висячіе переходы и чудные терема съ чешуйчатымъ куполомъ; крупныя лѣстницы къ высокимъ свѣтелкамъ, освѣщеннымъ кружеч-

ками изъ слюды, наконецъ огромныя крыльца съ витыми столбами и узорчатыми перекладинами! Вотъ краткое изображеніе палатъ именитаго человѣка, Максима Яковлевича Строгонова, коимъ врядъ ли и въ бѣлокаменной Москвѣ были равные *пространствомъ и великолѣпіемъ?*

Счетная изба была на красныхъ сѣняхъ съ лѣвой руки. Не смотря на обширность дѣлъ и учетовъ, мало тратилось здѣсь бумаги и перьевъ, а всё производилось на *щётахъ* (*). Только нѣсколько столбцевъ съ итогами, лежало на днѣ глубокаго сундука, запиравшагося висячимъ замкомъ, и все при-

(*) Ведется преданіе, что Строгоновы выучили Русскихъ купцовъ выкладкамъ на щетахъ.

сутствіе конторы ограничивалось Дьякомъ и подъячимъ. Противъ счетной избы отличалась широкая дверь съ чехломъ изъ краснаго сукна. Это былъ входъ во внутреннія комнаты господскія, состоявшія изъ двухъ горницъ: пріемной и очивальной. Если исключить драцѣнныя иконы, украшавшія обѣ ереднія стѣны, и богатые ковры ерсидскіе, покрывавшіе столъ и лавки первой горницы, но она не представляла ничего замѣчательнаго; занавѣски изъ краснаго сукна отдѣляли ее отъ второй, гдѣ стояла высокая дубовая кровать съ множествомъ разноцвѣтныхъ подушекъ. Третія дверь изъ сѣней прямо съ крыльца, вела въ большую свѣтлицу, выстроенную отдѣльно отъ прочихъ съ свѣтлыми окошками съ трехъ сторонъ. Она опре-

дѣлена была для праздничныхъ пировъ и угощеній. Здѣсь также, кромѣ огромнаго шкафа съ множествомъ серебряной вызолоченной посуды, чаръ, кубковъ, кандей, ковшей Царскаго жалованья, стопъ и бокаловъ, осыпанныхъ крупнымъ жемчугомъ, алмазами и изумрудами, не было ничего любопытнаго. За то пусть воображеніе читателя рисуетъ себѣ сколько можно роскошнѣе картину восточнаго великолѣпія и таинственности во внутренностяхъ пестрыхъ теремовъ и высокихъ свѣтелокъ, кои, какъ гаремы правовѣрныхъ, неприступны были для самаго любопытства. Пусть воображеніе, богатое идеалами совершенствъ, представляетъ себѣ обитательницу сихъ таинственныхъ жилищъ подъ самыми

плѣнительными видами красоты: оно не достигнетъ до истины ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ. Максимъ Яковлевичь, любя съ нѣжностію, доходившею до слабости, единственную дочь свою, Танъяну, и желая вознаградить скуку затворничества, которому обрекались тогда въ Россіи богатыя и знатныя дѣвицы, по жестокому закону приличія и ложному понятію о скромности, до самой минуты своего замужества, не щадилъ ничего для украшенія ея теремовъ и свѣтелокъ. Израсцовыя печи съ лежанками, вывезенныя изъ Москвы, заморскія узенькія зеркала, серебряные умывальники съ длинными горлышками въ Азіатскомъ вкусѣ, парчевыя подушки, драгоцѣнные ковры, раззолоченныя рѣшетки у переходовъ и окошекъ, наконецъ

стаи нянюшекъ, мамушекъ, горничныхъ, дуръ, карлицъ, — даны были къ услугамъ и увеселенію прелестной Татьяны. Но веселили ль онѣ прелестную Татьяну? Достаточны ли онѣ были для сосставленія ея счастія, могли ли замѣнить ей *прочія радости? Это* осталось бы доселѣ тайною, еслибъ догадливый Фонъ-Рекъ, какъ опытный Рыцарь прекраснаго пола, не вывелъ пропивнаго заключенія и какихъ-то догадокъ о жалкомъ состояніи сердца красавицы, изъ самаго ничтожнаго, повидимому, обстоятельства.

Однажды, на закатѣ солнца, онъ присѣлъ къ крѣпостной стѣнѣ, и предался мечтамъ о бываломъ, навсегда изчезнувшемъ для него мірѣ радостей и счастія, предался мечтамъ о милой родинѣ, о родныхъ красавицахъ Эстоніи, томныхъ, бѣ-

локурыхъ..... Дикость противоположнаго берега Камы усугубляла мрачность его воображенія, которому ничего не представлялось отраднаго, ушѣшительнаго въ будущности, не представлялось даже случая къ побѣдѣ достойнаго врага или неопытнаго сердца, чѣмъ наравнѣ гордились храбрые Рыцари меча. По мѣрѣ того, какъ померкалъ дневный свѣтъ, распространялась тишина, когда, казалось, успокоились самые кузнечики отъ дневныхъ заботъ своихъ, — одна только грудь юнаго Рыцаря волновалась болѣе и болѣе. — Вдругъ повѣялъ съ берега вѣперокъ, и ему послышался напѣвъ пріятнаго женскаго голоса. Какой случай для романическаго приключенія! И романическій рыцарь замѣтя, что зву-

ки исходили изъ терема, возвышавшагося надъ крѣпостною стѣною, осторожно взобрался сколько возможно выше на частоколъ, и превратился въ слухъ.

Чувство, съ какимъ пѣла невидимка, убѣждало, что слова изходили прямо изъ сердца, были исторіею ея репиваго, и хотя слезы нѣсколько разъ прерывали томный голосъ, рыцарь не проронилъ ни одного словечка. — Красавица пѣла:

Рѣка быстрая,
Серебристая;
На твою струю
Уронила бы
Я слезу мою.

Понеси волна
Слезу горькую,
Безотрадную,

На сторонушку
Отдаленную.

Когда въ часъ тоски
Онъ стоитъ у рѣки,
Призадумавшись,
Пригорюнившись,
И коня поитъ:

Ты всплесснись предъ нимъ
Волна жемчугомъ;
Ты разсыпься же
Все бурмитскими
Предъ нимъ зернами.

Отскочи одно
Къ верьху зернышко.
Упади ему
На бѣлую грудь,
Рѣшивое гдѣ!

Нѣтъ! не сердце тамъ
Не рѣшивое;
Ледъ студеный въ немъ,
Камень твердой то
И безжалостной.

Замерзла волна,
Передъ молодцемъ —
Разбѣжавшися.
Разбилось зерно,
Въ грудь ударившись.

Лучше мнѣ волну
Не испытывать,
Лучше мнѣ тоску
Одной вѣдати,
Съ ней въ могилу лечь.

Отъ того ли, что фонъ-Реку захотѣлось выучить заунывную пѣсенку, которую пѣлъ прекрасный, нѣжный голосокъ ежедневно при закатѣ солнца, или онъ сдѣлался исправнѣе въ своей должности, только не проходило дня, чтобъ онъ въ сумеркахъ не выходилъ изъ крѣпости для обзору часовыхъ и не стоялъ по нѣскольку часовъ, какъ вкопанный, у подножія высокаго терема, подъ прикрытіемъ часто-

кола. Ахъ! я далъ бы половину жизни, думалъ онъ часто, чтобъ взглянуть хоть разъ на несчастную пѣвицу, чтобъ утѣшить ее, раздѣлить съ нею грусть ея, тоску, чтобъ поплакать на груди ея! И послѣ многихъ покушеній обратить на себя вниманіе невидимки также романически, ему пришла на умъ слѣдующая мысль: онъ подошелъ къ окошку сколь можно ближе съ своею цитрою, на которой игралъ съ отличнымъ искусствомъ и, когда красавица кончила свою пѣсню, Рекъ повторилъ ее слово въ слово, акомпанируя себя на своемъ инструментѣ. Говорятъ, что музыка нѣсколько не уступала выразительности словъ; но къ сожалѣнію, она не была столь долговѣчна, какъ самая пѣсня, которая уцѣлѣла въ Закамскихъ преданіяхъ и повторяет-

ся доселѣ молодыми поселянками на вечернихъ посидѣлкахъ.

Рекъ ласкалъ себя надеждою, что серенада его увѣнчается романическимъ приключеніемъ, что растворятся непроницаемыя до сего рѣшетки терема и онъ увидитъ божественную пѣвицу; но ожиданія его не сбылись: тишина въ теремѣ подала ему мысль, что его не слыхали. Быть можетъ, упѣшалъ онъ себя, невидимка оставила свое окошко тотчасъ по окончаніи своей пѣсни. Если съ начала сія неудача показалась только обидною для рыцарскаго самолюбія, то онъ приунылъ не на шутку, увидя, что серенада его была услышана, и принята не такъ, какъ ожидалъ онъ. Тщетно приходилъ послѣ сего Рыцарь каждый день къ терему при закатѣ

солнца, и оставался тамъ до полуночи, — онъ болѣе не слыхалъ пѣвицы. Не было никакого средства проникнуть въ столь мучительную тайну: женская половина была такъ удалена отъ мужской, что прислуга боярышни рѣдко сходила даже въ поварню.

Рыцарь нашъ давно уже ходилъ, повѣся голову. Затрудненіе и таинственность, какъ и во всѣхъ дѣлахъ, подстрекали его самолюбіе и распаляли его воображеніе. Ему больно было отказаться отъ мечты, обѣщавшей столько пріятностей его романическому сердцу.

Однимъ утромъ, когда, сидя на нижней галдареѣ ближайшаго сушила, онъ перебиралъ въ полголоса всѣ знакомыя ему Нѣмецкія баллады, пособляя себѣ акордами цитры, Рекъ

немало удивился, замѣтя не вдалекѣ Анисью, любимую карлицу боярышни. Рыцарь до сего не удостоивалъ вниманія сіе безобразное твореніе, но тутъ, какъ смѣтливый Нѣмецъ, умѣющій все обращать въ свою выгоду, вздумалъ попытаться, *не можетъ ли употребить ее* въ свою пользу?

«Здравствуй, прекрасная Анисья Карповна,» сказалъ онъ ласково малорослой красавицѣ, «къ чему такая спѣсь: хоть бы однимъ глазкомъ взглянула?»

Карлица, неожидавшая подобнаго привѣтствія отъ прекраснѣйшаго мужчины, въ цѣломъ городѣ, хотя и нехристь, остановилась въ удивленіи, и желая, вѣроятно, улыбнуться съ особенною пріятностію, прежалко изковеркала свою толстую

рожу, разрумяненую, разбѣленую, такъ что самая улыбка бывшихъ временщиковъ при увѣреніи въ дружбѣ или обѣщаніи протекціи, не бывала столь смѣшна и отвратительна.

«Куда это летала по заранку, моя лебедочка,» продолжалъ Рекъ.

«Къ Денису Васильичу,» проворчала карлица охриплымъ голосомъ.

«Чай старикъ не съумѣлъ ни въ чемъ отказать такой посланницѣ,» — замѣтилъ Рыцарь съ коварною улыбкой.

«Какъ бы не такъ! нѣтъ, проклятый кащей и слушать не хотѣлъ, чуть не проводилъ меня клюкою....»

«И видно, что выжилъ изъ лѣтъ. Кабы я былъ на его мѣстѣ, то въ

воду бы кинулся для такихъ миленькихъ глазокъ....»

«А онъ прокляпый съ мѣста не шевелится, не только для меня, да и для боярышни.»

«Для боярышни нашъ братъ все сдѣлаетъ *изъ повиновенія*, а для такой горничной, какъ прекрасная Анисья, — изъ удовольствія.»

Анисья не первая изъ дѣвицъ, которыя принимаютъ сладкія слова мужчины за истину, которыя не примѣчаютъ своихъ недостатковъ, которыя, наконецъ, хотя зеркало докладываетъ, что некрасивы, — ушѣшаются мыслію, что милы, привлекательны. Говорятъ даже, что сіе ослѣпленіе къ себѣ — было тогда еще замѣтнѣе въ тѣхъ несчастныхъ, на коихъ природа клала

какую нибудь печать отверженія или негодованія? Будто онѣ, вопреки законовъ строгаго уединенія прекраснаго пола, — старались выказывать свои прелести, встрѣчаться съ мужчинами, и наряжаться въ богатые сарафаны и шѣлогрѣйки. Карлица такъ была очарована привѣтствіями Рыцаря, что забыла, казалось, о своей обязанности скорѣе воротиться съ отвѣтомъ къ боярышнѣ. Рекъ это понялъ, и хотѣлъ заставить Анисью выболтать всѣ тайны терема, какъ непредвидѣнное появленіе Дениса Орла разрушило его замыслы.

« Что ты, негодница, остановилась тутъ,» закричалъ Денисъ грознымъ голосомъ, стуча своею длинною палкой, « вотъ я проучу тебя по свойски. » И карлица, едва успѣвъ

кинуть умильный взглядъ на Рыцаря, бросилась бѣжать во всѣ ноги.

«О чемъ вы болтали?» спросилъ Орелъ съ веселымъ видомъ.

«*Просто ни о чемъ, я побалагурилъ съ красавицею,*» отвѣчалъ Рекъ.

«Видно ты не отсталъ еще и побывавъ въ предѣлѣ у Ногайцевъ отъ рыцарской привычки — увиваться около всякаго сарафана. А пора бы остепенитьея, пора подумать о душѣ и кинуть бѣсовскія потѣхи.»

«И, дѣдушка, не ужели ты не бывалъ молодъ?»

«То такъ, дипятко, но мы и въ молодости боялись грѣха.»

«Какой же тутъ грѣхъ смотрѣть на красныхъ дѣвушекъ?»

«А такой, что онѣ отъ запрещеннаго плода, и пока таинство церковное не благословитъ тебя на обладаніе дѣвицею, до тѣхъ поръ не должно смотрѣть на нее. Отъ чего же ваша братья, невѣрующіе, засматриваются на красавицъ, дѣлаются поло-умными и погибаютъ? Право, не худо бы тебѣ, Францъ Францычь, потолковать о православіи съ отцемъ Абрамомъ, или Игумномъ Варлаамомъ. Ты молодецъ смышленый, Максимъ Яковлевичь тебя

жалуешь. Подумай-ка, худова не будешь,» примолвилъ Денисъ съ значительною улыбкой, и пошащился въ хоромы барскія, а Рыцарь остался въ большомъ раздумьѣ.

ГЛАВА II.

Козаки у Строгонова. — Сипскому угрожаетъ опаспость. – Коварные замыслы подъячаго Ласки. — Бесѣда Строгонова св Ермакомъ Тимофѣсвичемъ. —

Уже нѣсколько мѣсяцевъ, въ Орлѣ-Городкѣ, замѣтно было большое движеніе. Безпрерывное бѣганье изъ палатъ въ людскія; толпы на красномъ дворѣ и на погостѣ новыхъ лицъ и нарядовъ, шумный говоръ днемъ и ночью, показывали, что въ крѣпости произошло что-то необыкновенное — чрезвычайное.

Съ восхожденіемъ солнца въ щетной избѣ сидѣлъ уже на деревянномъ

стулѣ Дьяка съ высокою спинкою, сѣдовласый Денисъ Васильевичь Орелъ и, проворно бѣгая пальцами по чернымъ шарикамъ щетовъ, словно Фильдъ по фортепіяннымъ клавишамъ, часто качалъ головою. Наконецъ онъ взглянулъ *изъ-подлобья* на дверь, *медленно* растворявшуюся съ скрыпомъ, и замѣтя лысину подъячаго Ласки, который какъ будто что-то разглядывалъ съ робостію или осторожностію въ избѣ, опять уткнулъ глаза свои въ щеты. Уже Ласка давно сидѣлъ на скамьѣ своей, а Денисъ не обращалъ на него вниманія; наконецъ, вѣроятно, потерявъ терпѣніе, подъячій полѣзъ въ сундукъ, и кажется, безъ всякой нужды, ибо шаривъ въ немъ довольно долго, заперъ, ничего изъ него не вынувъ. По крайней мѣрѣ онъ успѣлъ въ главномъ: шумъ замка и брякъ пробоя

заставили угрюмаго Дьяка, взглянуть на трудолюбиваго своего подчиненнаго.

« Что ты шутъ, мошенникъ, ворочаешься,» закричалъ сурово Денисъ на подъячаго Ласку.

«Ничего, ваша милость, ничего,» отвѣчалъ сей послѣдній съ низкими поклонами. «Такъ я, по приказу твоей милости сбираюсь снять списочекъ съ донесенія о Пелымской битвѣ.»

« Кажись, я велѣлъ тебѣ приготовить его еще съ вечера. Гдѣ жъ ты прображничалъ всю ночь, чай съ Мещерякомъ? »

« Напраслина, Денисъ Васильевичь, напраслина! Матвѣй Ѳедорычь— пречестной господинъ. Ему бы, право, вести и рать-то въ Сибирь, дѣло было бы вѣрнѣе...»

«Не наше дѣло судить про это, лучше отвѣчай, отъ чего у тебя руки трясутся, какъ въ лихоманкѣ. Пьяница! ужъ и такъ сталъ писать по-Зырянски, а не по-Русски.»

«Запишешь и по тарабарски, батюшка Денисъ Васильевичь, какъ пятые *суточки — день и ночь*, пера изъ рукъ не выпускалъ... Воля твоя, а право, не знаю, какъ служить лучше?»

«Не тебѣ бы говорить, не мнѣ бы слушать, мошенникъ, о твоемъ усердіи. Давно бы я прогналъ тебя на соляныя варницы, — кабы башка-то твоя не была такъ умна. Да покажи же, что ты сдѣлалъ въ эти, по твоему — пятеры сутки?...»

«Какъ что? а не списалъ ли я для Ермака Тимофеевича всѣ грамоты, жалованныя нашимъ отцамъ-Государямъ, и не свелъ ли итога со всѣхъ отпусковъ изъ подваловъ, сушилъ и

кладовыхъ, незванымъ гостямъ нашимъ?»

« Велика работа! прежде бывало и на день нечего бы тебѣ дѣлать.»

« То-то и бѣда, батюшка Денисъ Васильевичь, что государь нашъ Максимъ Яковлевичь не всегда различаетъ людей: иной въ часъ услужитъ больше, чѣмъ другой въ недѣлю, а милость-то все одна и та же.»

«Ну что намъ калякать о пустомъ, скажи-ка лучше, что твои пріятели, козаки, поговариваютъ?»

«Ты вѣдаешь,» отвѣчалъ недовѣрчиво Ласка, «что я съ ними не якшаюсь.«

« За чѣмъ же ты живмя живешь въ избѣ у Мещеряка?»

«Вить онъ, Денисъ Васильевичь, другаго десятку человѣкъ. — Онъ не бу-

янъ и не обидчикъ, какъ другіе, напримѣръ Атаманъ Гроза...»

«И учалъ бусурманить, (*) продолжалъ Денисъ, смягча голосъ. Вѣдь твой Мещерякъ — не безъ языка, и не безъ глазъ.»

«Правда, Денисъ Васильевичь, онъ все видитъ, все знаетъ, да вишь все идетъ у нихъ не по его. Въ угодность твою, мы пытаемъ съ нимъ уговаривать козаковъ, чтобъ не противились волѣ Максима Яковлевича, работали бы по прилежнѣе въ лѣсу. И еслибъ не Матвѣй Ѳедоровичь, то давно бы ослушались. Мы де пришли, толкуютъ буяны, рубить не-христей, а не сосны и лиственницы.»...

«Да что бы они спали кушать, чѣмъ бы пропиталъ государь Мак-

---

[*] Кривить душею, лукавить.

симъ Яковлевичь шакую ораву,»вскричалъ Денисъ. «Ты знаешь легко ли доспавашь хлѣбъ изъ Нижняго?«

« То шакъ баппюшка, да вишь удалецъ - шо, спарой нашъ знакомецъ, чшо морочишъ всѣхъ подъ кафшаномъ покойника Грозы, мушишъ ихъ.»

« Чшо шы хочешь сказашь,» спросилъ Дьякъ, примѣшно встревоженный послѣдними словами злобнаго Ласки.

« Такъ, ничего, Денисъ Васильевичь, я только шепнулъ Ашаману Мещеряку, да Есаулу Самусю, что молодецъ-шо эшошъ не опальной ли Сипской, который ушелъ ошъ насъ, назадъ шому года съ четыре?»

«Ты просшо врешь, — неужшо у всѣхъ насъ глаза хуже швоихъ, да мы его не узнали.»

» А я шакъ узналъ и не ошибся: онъ, шочно онъ. Не годишся моло-

кососу, да припомъ и опальному, подымать носъ предъ пожилыми людьми. Онъ и шапки не гнетъ, встрѣтясь когда съ нашимъ братомъ — старымъ слугою государя Максима Яковлевича, и Мещеряка въ усъ не ставитъ, даромъ, что тотъ на Дону былъ старѣе самаго Ермака Тимофеевича. Не помогутъ ему ни пріятель его Колдунъ Уркунду, ни покровитель Атаманъ Кольцо: дастъ Богъ согнемъ въ дугу...»

Безпокойство, замѣченное на лицѣ суроваго Дьяка, при началѣ разговора о Сипскомъ, увеличивалось часъ отъ часу болѣе. Наконецъ, при послѣднихъ угрозахъ Ласки, онъ вскочилъ съ своего стула, и, приказавъ ему никуда не отлучаться, вышелъ проворно вонъ.

«Эге, ге!» замѣтилъ подьячій, смотря подозрительно въ слѣдъ старику! «Онъ что нибудь затѣялъ недоброе. Сбѣгаю-ка посовѣтоваться съ Матвѣемъ Ѳедоровичемъ.»

Денису Васильичу стоило перейти широкія сѣни, и растворить двери, обитыя краснымъ сукномъ, чтобъ очутиться въ свѣтлицѣ Максима Яковлевича. Не найдя его въ пріемной горницѣ, онъ заглянулъ за занавѣску, коею, какъ мы видѣли, отдѣлялась опочивальня именитаго человѣка. Максимъ Яковлевичъ отправлялъ утренною свою молитву: онъ стоялъ на колѣнахъ предъ образомъ Спасителя и съ усердіемъ читалъ благодарственную молитву Господу Богу за осѣненіе свѣтомъ дня сего. На цыпочкахъ по тихоньку отошелъ Орелъ къ окошку, и, закинувъ руки на спину, устремилъ

взоры свои на дворъ. Онъ оставался въ томъ безчувственномъ положеніи, въ коемъ, смотря во всѣ глаза — ничего не видишь, а потому во всякое другое время смѣшная сцена, какъ прокрадывался по забору подъячій въ избу Мещеряка, обратила бы его вниманіе, теперь же промелькнула она какъ призракъ. Легкій ударъ по плечу вывелъ его изъ остолбененія; онъ обернулся, и, увидя предъ собою Максима Яковлевича, низко ему поклонился.

Максимъ Яковлевичь былъ одѣтъ въ черное бархатное полукафтанье, подбитое драгоцѣнными соболями. Онъ былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, средняго роста; небольшая русая борода не скрывала благообразія и пріятной выразительности лица полнаго, нѣжнаго. Голубые глаза его,

хотя не блистали огнемъ, но исполнены были ума и сердечной доброты. Привѣтливость была на устахъ его; такъ, что Максима Яковлевича можно было включить въ небольшое число тѣхъ людей, которые вѣжливостію и ласкою не страшатся утратить своего величія или поверхности. Отъ того всѣ его любили. Онъ постигалъ тайну великихъ людей — дѣйствовать любовью на своихъ подчиненныхъ. Правду сказать, эта истина дошла и до насъ, и теперь простота и обходительность отличаютъ незаимствованное достоинство вельможи; спѣсь и чванство — обличаютъ незаконность его возвышенія!

« Что ты призадумался, Васильичь?» спросилъ ласково Орла именитый человѣкъ.

« Обо многомъ нужно упруждать тебя отца государя,» отвѣчалъ онъ съ поклономъ.

« Говори, ты знаешь, что я люблю съ тобою бесѣдовать. »

« Велика милость , отецъ государь , да вишь, я-то ея не стою, и принесъ свою повинную голову..... »

« Напередъ прощаю тебя ,» примолвилъ Строгоновъ съ улыбкою.

« Бѣда, да и только ! »

« Постараемся ее исправить. Скажи скорѣе, въ чемъ дѣло ?»

« Повѣдаю тебѣ , батюшка Максимъ Яковлевичь , — что я обманулъ тебя въ первый и послѣдній разъ. »

« Признаюсь , Васильичь , я не зналъ , что ты умѣешь кривить душею. »

«Не говори ужъ батюшка, попуталъ грѣхъ.»

«Помнишь ли ты, какъ пріѣзжалъ опричникъ съ Царскою грамотою о выдачѣ ему молодаго Князя Сипскаго, что приводилъ въ Чердынь Стрѣлецкую дружину. Признаюсь, отецъ государь, я скрылъ его, и выслалъ на Донъ подъ именемъ козака Грозы, пропадшаго безъ вѣсти въ Пелымѣ.»

«Что жъ тутъ преступнаго?»

«Царь Иванъ Васильевичь прогнѣвался на тебя, но скоро смиловался. Боюсь, чтобъ гнѣвъ его Царской не палъ теперь на тебя пуще прежняго, когда донесутъ, что онъ у насъ.»

«Какая нужда! старайся только, опальный чтобъ его не узнали.»

«То-то и бѣда, отецъ государь, что его узналъ подъячій Ласка, а

онъ ужасъ какъ золъ и болтливъ, молва можетъ дойти до Воеводы Царскаго въ Чердынѣ.»

«За меня не бойся, Васильичь; отдѣлаемся какъ нибудь отъ опалы Царской, старайся только спасти молодца. Скажу признательно, что я самъ къ *нему давно* уже признался, не смотря на его бороду и козацкія ухватки.»

«Какъ же прикажешь поступить съ нимъ?»

«Подумай самъ, а мнѣ кажется всего лучше услать его поскорѣе въ Чусовскіе городка. Ужо поговорю съ Ермакомъ Тимофеевичемъ.

Но Ермакъ Тимофѣевичь былъ легокъ на поминѣ: онъ внезапно взошелъ въ свѣтлицу; перекрестясь прижды, почтительно поклонился Строгонову, а Максимъ Яковлевичь, ласково поцѣловавшись

съ Атаманомъ, просилъ его садиться въ переднемъ углу.

Ермакъ былъ задумчивъ: молча занялъ онъ предложенное ему мѣсто, ожидая какъ бы вопроса. Строгоновъ также молчалъ, какъ бы стараясь отгадать причину его посѣщенія.

Смѣтливый Денисъ вывелъ ихъ изъ запрудненія. Приближившись къ Атаману, онъ сказалъ ему, кланяясь въ поясъ: «Богъ нанесъ тебя, батюшка Ермакъ Тимофеевичъ, какъ привелось намъ думу думать великую.»

«Радуюсь, когда могу быть полезенъ словомъ или дѣломъ Максиму Яковлевичу, отвѣчалъ Ермакъ.»

«Я хотѣлъ спросить твоего совѣту, Ермакъ Тимофеевичъ, какъ спасти твоего молодца — Грозу, отъ великой напасти,» сказалъ

Строгоновъ. »Его признали за опальнаго Князя Ситскаго, котораго по Царскому велѣнію обязаны мы представить Чердынскому Воеводѣ. Злые люди могутъ довесть до свѣдѣнія Перепелицына..... »

« *Дивлюсь, не хочу вѣрить,*» возразилъ *Ермакъ*, съ примѣтнымъ негодованіемъ,» чтобъ Строгоновъ могъ страшиться Іоанна? Нѣтъ! я слишкомъ знаю Максима Яковлевича, чтобъ Ситскому бояться, въ въ Орлѣ-Городкѣ, нѣтъ! ты его не выдашь.

« Благодарствую за доброе мнѣніе. Мнѣ любо слышать его отъ Ермака, но вспомни, что въ дѣлахъ общественныхъ, пуще всего осторожность, дабы малое обстоятельство не было преградою великимъ

предпріятіямъ. Ты самъ знаешь подозрительный нравъ Іоанна?

«Не ужели Сибирской не искупилъ своей опалы дѣлами славными? Забудемъ о пораженіи Мурзы Бегулія, гдѣ онъ былъ моею правою рукою, скажемъ Царскимъ Воеводамъ, что Сибирскій указалъ козакамъ путь въ пустыни Камскія, что безъ него, можетъ быть, Ермакъ повелъ бы свою храбрую дружину въ иныя страны, для другой цѣли; наконецъ скажемъ — что Сибирскій есть украшеніе Донской вольницы!»

«Такія мысли достойны предводителя храброй дружины, но подумаемъ Ермакъ Тимофеевичь, нѣтъ ли еще способа соединить возвышенность чувствъ и достойную гордость человѣка, съ законами.... Не

можно ли, не раздражая Іоанна, спасти Сицкаго? »

« Въ такомъ случаѣ тебѣ придется таить отъ Царя и обо мнѣ, и о Кольцѣ, и о всѣхъ другихъ Атаманахъ, которыхъ головы оцѣнены имъ, или выдать насъ живьемъ въ *руки Перепелицына*,» присовокупилъ Ермакъ съ ядовитою насмѣшкой.

При всей кротости и снисходительности Максима Яковлевича, — замѣтно было, что укоризна Ермака крѣпко его тронула; но какъ мужъ благоразумный, дальновидный, онъ спѣшилъ только укротить пылкость Ермака, которая могла имѣть непріятныя послѣдствія, а потому, взявъ дружелюбно Ермака за руку, сказалъ съ свойственною ему тихостію: «я увѣренъ, дорогой

Атаманъ, что ты обидѣлъ Строгонова, не желая того, обидѣлъ въ жару пріязни къ своему любимцу; а въ доказательство, что и я умѣю его уважать и любить, пошлю тотчасъ же просить его сегодня со всѣми Атаманами, начиная съ храбраго Вождя ихъ, кушать хлѣба соли у моей имянинницы?» — Таковая снисходительность достаточна была, чтобъ пробудить всякаго другаго, не только Ермака, старавшагося управлять своею неукротимостію. Онъ почувствовалъ во всей силѣ поверхность надъ собою Строгонова, какъ человѣка Государственнаго, и кинумся къ нему въ объятія.

Денисъ прослезился, видя согласіе двухъ великихъ мужей.

« Мнѣ бы хотѣлось показать тебѣ списокъ съ донесенія моего Царю, сказалъ Спрогоновъ, «объ усмиреніи нами Вогуличей; но оставимъ дѣла до другаго дня.»

ГЛАВА III.

Забавы Строгоновыхъ. — Хвастливый карло. — Влюбчивая дура. — Противуположность братьевъ Строгоновыхъ. — Пиръ у именинницы. — Заздравный кубокъ. — Тайна любви открыта. —

Описывать трапезу именитаго человѣка, сколь впрочемъ ни отличалась она огромными осетрами и мѣрными Камскими стерледями, которыя едва укладывались на длинныхъ серебряныхъ лодкахъ, разносимыхъ вокругъ стола дюжими прислужниками, въ парчевыхъ рубахахъ, — значило бы повторять давно сказанное объ изобиліи и

пріуготовленіи яствъ на Царскихъ и Боярскихъ обѣдахъ. Прислушаемся лучше въ разговоры собесѣдниковъ и въ шутки карловъ и шутовъ, которые тѣшили гостей и шумѣли, доколѣ сіи послѣдніе сами не поразговорились за пятою круговою чарою.

Всѣхъ болѣе забавлялъ головастикъ карло Горынычь, одѣтый въ богатое боярское платье и высокую кунью шапку. Ему подчинены были всѣ другіе карлы и карлицы, дураки и дуры, и по истинѣ, нельзя было видѣть безъ смѣху чванство и спѣсь сего Пигмея. Максима Яковлевича, Никишу Григорьевича, даже Игумена Варлаама, онъ называлъ полуименами. — Всего же смѣшнѣе казалось въ немъ то, что онъ спѣсивился тѣмъ, что рожденъ былъ Вогуломъ, а не Русскимъ. Къ не-

счастію бѣдняка, въ тотъ жалкій вѣкъ, Русскіе не стыдились быть Русскими, и пишло или имя иноземца, не доставляло въ Россіи права на умъ, ученость и любовь къ отечеству! Горынычь посаженъ былъ въ углубленіи, сдѣланномъ въ израсцовой печи, гдѣ онъ казался болѣе куклою, нежели человѣкомъ. Оттуда-то онъ насылалъ свои грозныя повелѣнія своимъ подчиненнымъ, часто непокорнымъ, мятежнымъ. Въ особенности дура Ѳеколка, безобразнѣйшее и грубѣйшее въ мірѣ твореніе, оказывалась ослушною своему повѣлителю, и въ досаду его лаяла собакою, когда приказывалъ онъ ей мяучить кошкою. Горынычь топалъ ногами, грозился разразить дуру, которая и теперь, вмѣсто того, чтобъ подать ему крушку съ медомъ, поднесла ее

Рыцарю Реку, сказавъ ему: « Ну-ка не-христь, побрянчи на своей балалайкѣ, а мы съ Аниской попляшемъ, да и топотъ Кирюшка покувыркается..... »

« Уже послѣ обѣда, » отвѣчалъ Фонъ - Рекъ, сидѣвшій между Ситскимъ и Мещерякомъ.

« Врешь, обманешь собака! »

Анисья, неравнодушная къ Рыцарю, вступилась за своего любезнаго и вскричала: «Какъ ты смѣешь, дура, ругать честнаго господина, знаешь ли, что онъ съ тобою сдѣлаетъ?

«А что, а что? »

« То, что обернетъ тебя въ дѣдушку Ѳедота, какъ ономеднись самъ обернулся въ него, и напугалъ боярышню..... »

Замѣтно было, что Фонъ - Рекъ измѣнился нѣсколько въ лицѣ, при

этомъ словѣ, и взглянулъ на Максима Яковлевича, какъ будто боясь, чтобъ онъ не вслушался въ сказанное карлицею; но успокоился, увидя, что тотъ былъ занятъ новыми выходками Горыныча, снятаго уже съ печки; а скоро и споръ карлицы съ дурой, кончившійся дракою, обратилея въ общій смѣхъ. Горынычь рядилъ и судилъ о бывшемъ походѣ на Вогуличей и Остяковъ, приходившихъ грабить Строгоновскія селенія на Сылвѣ и Чусовой. Онъ разсказывалъ о подвигахъ своихъ и наставленіяхъ, данныхъ имъ начальникамъ ратни съ такимъ самохвальствомъ, съ такою дерзостію, что самъ Ермакъ помиралъ со смѣху. Однако изъ сей забавы породился разговоръ, могущій дать понятіе

о семейномъ несогласіи Строгоновыхъ.

« Ну-ка Горынычь разскажи, какъ ты поймалъ Мурзу Бегулія, спросилъ Максимъ Яковлевичь съ улыбкой?

« Силенъ прокляпый ,» отвѣчалъ карло съ самодовольствіемъ, да не увернулся отъ меня. Думалъ, что наскочилъ на Микитпкиныхъ холоповъ, не тутъ-то было, и лежитъ теперь въ клѣткѣ съ крученными руками.»

« Правду сказапь» замѣтилъ Ермакъ, «Мурза славно дрался.»

« Какъ я велѣлъ пустить въ поганыхъ - по живымъ огнемъ ,» продолжалъ Горынычь, «то они и спятились , а мы и учали ихъ крошить. Ха, ха, ха! Пугнулъ я порядкомъ и Микитпкиныхъ трусовъ, долго меня не забудутъ.»

«Что онъ хочетъ сказать,» спросилъ Строгоновъ съ любопытствомъ, обращаясь къ Атаманамъ.

«Безъ сомнѣнія то,» отвѣчалъ Ермакъ, «что воины Никиты Григорьевича, устрашась превосходства непріятеля, дрогнули; но Атаманъ Гроза ихъ удержалъ, постращавъ нѣсколькими выстрѣлами изъ пищали имъ въ тылъ.»

»Не вѣрь ему, Максимушка, не вѣрь,» воскликнулъ Горынычь, «я закричалъ на нихъ, такъ они и оробѣли.»

«Напрасно, замѣтилъ Строгоновъ; этотъ случай можетъ навлечь намъ большіе хлопоты. Братъ Никита Григорьичь обрадуется этому, чтобъ впредь не высылать никакой помощи противъ общихъ непріятелей нашихъ.»

« Спроси у Грозы,» сказалъ съ неприпворнымъ торжествомъ Мещерякъ, » что и я ему не попакалъ палить въ своихъ. »

« Я точно не послушался его рѣчей,» отвѣчалъ смѣло Гроза, «и не раскаяваюсь. Есьлибъ я не велѣлъ выстрѣлить въ трусовъ, то они побѣжали бы при первомъ появленіи Мурзы съ горы, смяли бы насъ, а тѣмъ дали бы непріятелю случай подавить насъ своимъ многолюдствомъ. Ты самъ знаешь, Максимъ Яковлевичь, что у Бегулія было болѣе семи сотенъ, а насъ только двѣ сотни. »

« Въ войнѣ это дозволительно, замѣтилъ Рыцарь Фонъ - Рекъ.

Игуменъ Варлаамъ, смотрѣвшій долго съ неудовольствіемъ на Нѣмца, пользовавшагося довѣренностію благочестиваго Строгонова, а тѣмъ

болѣе еще оскорбленный обязанностію сидѣть за однимъ столомъ съ иновѣрцемъ, перекрестился и сказалъ: «Воля твоя, Максимъ Яковлевичь, а я не благословляю поступка твоихъ козаковъ съ воинами Никиты Григорьевича, хотя и принужденнаго. Стрѣлять въ своихъ братьевъ, воспрещено Святымъ писаніемъ, и если Никита Григорьевичь принесетъ жалобу Царю Іоанну Васильевичу, то ты останешься въ виноватыхъ. Апостолъ Павелъ глаголетъ: дондеже время имамы, да дѣлаемъ благо ко всѣмъ, пачеже приснымъ въ вѣрѣ; а Святый Апостолъ Петръ научаетъ: не воздающе зло за зло и же недосажденія за досажденіе.»

«Святый отецъ,» возразилъ Гроза: «вспомни слова тогоже Апостола Петра: Яко тако есть воля

Божія, благотворящимъ обуздовати безумныхъ человѣкъ невѣжество и трусъ. »

Игуменъ, хотя раздраженъ былъ неожиданнымъ отвѣтомъ молодаго козака, но расчелъ благоразумнѣе замолчать, а дальновидный хозяинъ, чтобъ *совершенно прекратить* сей разговоръ, выпустилъ опять на сцену дуръ и дураковъ. Горынычь опять вступилъ на поприще, и морилъ всѣхъ своимъ безстыдствомъ. По его словамъ все хорошее сдѣлалъ онъ, присовѣтовалъ онъ; но увы! съ такими правами, на право дѣловаго, Государственнаго человѣка, онъ былъ у Строгонова только шутомъ! Видно съ дерзостью и самохвальствомъ и тогда нельзя было на православной Руси занимать другихъ мѣстъ? Влюбчивая Аниска не скрывала пред-

почтенія своего къ красивому Рыцарю, и во изъявленіе любви своей, безпрестанно подбѣгала къ нему и хохотала прямо въ лице. Наконецъ Кирюшка Топотъ, юродивый, съ рыжею сключенною бородою, привелъ медвѣженка, одѣтаго подъ пару съ Горынычемъ. Ихъ заставили плясать подъ пѣсни дуръ, и эта потѣха продолжалась бы долѣе, еслибъ Максимъ Яковлевичъ не приказалъ перестать, прогнѣвавшись за то, что Кирюшка, когда одобрялъ, или кричалъ на медвѣдя своего, называлъ его именемъ Никиты Григорьича. Надобно признаться, что Никита Григорьичъ служилъ разительною противоположностію съ Максимомъ Яковлевичемъ. Отъ того, не смотря на все снисхожденіе и кротость сего послѣдняго, они не могли вмѣстѣ ужиться, и Никита избралъ

Чусовую мѣстомъ своего пребыванія, содержа также большую дворню, и даже рапныхъ людей. «Нука Микишушка, поварачивайся, да не опворачивайся,» кричалъ юродивый во все горло, и смѣхъ вторился не только въ свѣтлицѣ; но и въ сѣняхъ, *набитыхъ челядницами*, которые изъ растворенныхъ дверей съ подобострастіемъ смотрѣли на пирующихъ господъ своихъ. «Экъ, батька ряфкнулъ, словно Дедюхинской Князекъ гаркнулъ,» и тому подобныя остроты, отпускаемыя Кирюшкою, вывели хозяина изъ терпѣнія: онъ приказалъ выгнать его съ медвѣдемъ, и грозился велѣть высѣчь, если не перестанетъ впредь такъ дурачиться. «Коли сѣчь, такъ сѣчь всѣхъ насъ: и Дениску и Ласку, и клюшника Пафнупьича,» кричалъ юродивый, оста-

вляя лѣниво свѣтлицу. Они всѣ кличутъ Мишку Микишкой....

» Напраслина, государь батюшка, возразилъ подъячій Ласка тоненькимъ голоскомъ, изъ толпы челядинцевъ, « сущая напраслина! не повернется холопій языкъ мой на такое содомство. »

Неожиданная выходка сія заставила всѣхъ улыбнуться, кромѣ Атамана Мещеряка, который обнаружилъ тѣмъ свою кротость съ этимъ исчадіемъ крамолы и зависти.

Между тѣмъ поставленъ былъ предъ хозяина золотый заздравный кубокъ, и серебряная ендова съ романеею, въ коей плавалъ небольшой ковшъ, изъ тогоже металла, — осыпанный изумрудами. Вдругъ растворилась боковая дверь, и показалась толпа женщинъ; онѣ оста-

новились у приполки, а къ столу приблизилась одна имянинница. Красота ея несказанно увеличивалась румянцемъ стыдливости, которымъ, какъ алоюзарею, подернулось ея снѣжное лице. Съ поникшими глазами, Татьяна поклонилась въ поясъ отцу и съ подобострастіемъ, не смѣя взглянуть, ожидала его приказаній.

Говорятъ одинъ только Ласка остался равнодушнымъ при видѣ столькихъ прелестей. Ермакъ оставилъ свою угрюмость, возрастающую обыкновенно при вспрѣчѣ всякой молодой женщины, причемъ будто нѣкія тайныя воспоминанія точили пуще его душу, и улыбнулся. Вѣрный, пламенный Владимиръ, казалось, забылъ предметъ своей страсти, никогда его дотолѣ неоставлявшей, и устремилъ глаза свои на красавицу. Всѣ съ

нетерпѣніемъ ожидали развязки появленія Татьяны, и еще болѣе удивились, когда Максимъ Яковлевичь приказалъ ей подносить гостямъ заздравный кубокъ. По закону приличія, она должна была принять отъ каждаго съ поздравленіемъ поцѣлуй, держа обѣими руками поднось съ полнымъ кубкомъ. Все кончилось бы своимъ порядкомъ, чинно и тихо, еслибъ прекрасная подносщица не уронила подноса, и не разлила кубка съ виномъ, когда въ свою очередь приблизился къ ней Владиміръ Гроза. Всѣ ахнули, особливо возгласы ужаса и страха сильно послышались между старушками и женщинами, сопровождавшими Анастасію. Это дало ей время придти въ себя, такъ, что замѣшательство ея

отнесли къ естественному безпокойству, по случаю непріятнаго происшествія. Только Мещерякъ и Рекъ не вдались въ обманъ: одинъ изъ зависти, сторожившей каждый шагъ, каждое слово и взоръ Грозы, другой изъ ревности, глаза которой неменѣе *зорки и — ошибочны.* Рыцарь замѣтилъ, какъ Татьяна перемѣнилась въ лицѣ, какъ жизнь вспыхнула въ ея глазахъ, какъ затрепетала полная грудь ея, — не смотря на непроницаемую душегрѣйку, когда подходилъ къ ней Владиміръ. О нѣтъ! подносъ выпалъ изъ рукъ красавицы не случайно, не по неосторожности: бѣдная Татьяна! тебя подстерегли, тебя отгадали любовь и зависть, и Рыцарь понялъ теперь смыслъ печальной твоей пѣсенки,

понялъ, о комъ въ тайнѣ тужило нѣжное сердце затворницы!

Максимъ Яковлевичь, бывъ выше предразсудковъ своего времени, и ни сколько не подозрѣвая Татьяну въ неравнодушіи къ Грозѣ, относилъ чистосердечно сіе приключеніе — къ случайности, и чтобъ разогнать безпокойство милой своей дочери, которая между тѣмъ удалилась къ дверямъ, приказалъ позвать пѣсельниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Река, потѣшить ее своими пѣснями. Рыцарь съ радостію согласился выполнить желаніе хозяина: когда принесли его цитру, онъ пропѣлъ томную балладу съ такимъ чувствомъ и пріятностію, что разжалобилъ даже твердыя сердца Атамановъ.

« Какъ же ты складно слагаешь пѣсенки! » сказалъ Максимъ Яковлевичъ.

« Я только переложилъ слова съ Нѣмецкаго,» отвѣчалъ Рекъ.

«Правда,» замѣтилъ Гроза, «Рыцарь поетъ хитрѣе нашей братьи, но что-то сладкія слова Нѣмецкихъ пѣсень не доходятъ такъ близко къ сердцу Русскому.»

« Онъ и съ Русскими управляется не хуже,» примолвилъ Мещерякъ съ коварной улыбкой, « я плачу каждый разъ, какъ онъ распѣваетъ по ночамъ, словно соловей, какую-то заунывную пѣсенку.»

Рыцарь безъ затрудненія согласился выполнить желаніе Мещеряка, ласкаясь надеждою увидѣть впечатлѣніе, какое произведетъ эта

пѣсня на прекрасную Татьяну. Но онъ не допѣлъ еще половины, какъ дура Ѳеколка закричала во все горло:

«Цыцъ, прокляпый нехристь; не ты сложилъ эту пѣсню, а наша боярышня; ты знать подслушалъ, какъ распѣвала она ее, бывало, въ моленной по ночамъ, сидя у окошечка.»

Максимъ Яковлевичь невольно обратилъ взоры на Татьяну, и, полагая прочесть на блѣдномъ лицѣ ея и въ потупленныхъ глазахъ подтвержденіе словъ Ѳеколки, далъ знать, чтобъ она возвратилась со свитою въ свой теремъ, а скоро распустилъ и всѣхъ гостей своихъ.

Можетъ быть сіе приключеніе разрѣшило ему причину пролитаго кубка съ виномъ, а говорятъ, было даже причиною скорѣйшаго отправленія Ермака въ походъ.

ГЛАВА IV.

Снаряженіе козаковъ въ походъ. — Частныя бесѣды. — Ошибка. — Честолюбивые виды Строгонова. — Новое коварство Мещеряка.

Какая дѣятельность, какая жизнь кипѣла на берегахъ Камы! Этому подобное можно развѣ видѣть на верфяхъ Ньюіорскихъ, гдѣ цѣлые флоты спускаются почти ежедневно на быстрыя струи Гудсоновой рѣки (Nord River), гдѣ тысячи рукъ заняты строеніемъ морскихъ палатъ и крѣпостей! Луговая низменность, начиная отъ Орла городка, до самаго почти Дедюхина, покрыта была длинными ладьями, съ

острыми носами какъ у сперлядей, всѣ почти одной мѣры — шести саженъ въ длину, съ лавками по срединѣ и небольшою палубою на кормѣ. Низкія мачты заставляли полагать, что онѣ утверждены на судахъ не для парусовъ, а для бичевника. Люди, какъ муравьи, кипѣли надъ ними, — одни стучали топорами, другіе, привязывая канаты къ верхушкамъ мачтъ, распѣвали веселыя пѣсни, третіе возили смолу, четвертые устанавливали ***семипядныя*** пищали и легкіе ***самопалы***; телѣги скрыпѣли подъ тяжестію мѣшковъ и кадокъ съ мукою, крупою и масломъ. Кольцо вѣсомъ принималъ зелье и осторожно укладывалъ его подъ палубы. (*)

(*) Миллеръ пишетъ, что Строгоновы отпустили съ Ермакомъ на каждаго рашника

День былъ жаркій, не смотря на послѣднія числа Августа мѣсяца, а потому прохлада, ощущаемая въ теремѣ, гдѣ бесѣдовали вдвоемъ Ермакъ Тимофеевичь съ Максимомъ Яковлевичемъ, имѣла особенную пріятность. Вопреки обыкновенія, Строгоновъ выбралъ на сей разъ дочернюю свѣтелку, изъ которой, какъ мы видѣли выше, два рѣшетчетыхъ окошка обращены были на рѣку, вѣроятно, дабы имѣть въ виду сію прекрасную картину. И по истинѣ, зрѣлище дѣятельности на

по 3 фунта пороху и свинцу, толокна по 2 пуда, сухарей и соли по пуду, по безмѣну (т. е. по $2\frac{1}{2}$ ф.), коровья масла и по полтину (окороку) на двухъ и проч. При дѣлахъ конторскихъ есть свѣдѣніе, что сдѣланное ими при семъ случаѣ пожертвованіе на съѣстные и боевые припасы простиралось по тогдашнимъ цѣнамъ на 20,000 рублей.

берегахъ пустынной Камы, предспавлялось отсюда еще прелестнѣе, поразительнѣе. Давно уже они бесѣдовали между собою: спало смеркаться; уже свѣтлая тѣнь бѣлою пеленою подернула окрестныя пустыни, уже прибрежные гиганты, за минуту тянувшіеся безконечною полосою по зеленому лугу, бѣжали какъ будто вспять, спановились пигмеями, по мѣрѣ, какъ капился вверхъ молодой мѣсяцъ по лазури безоблачнаго эфира, — а они все бесѣдовали.

«Ты видишь, Ермакъ Тимофеевичь,» говорилъ Максимъ Яковлевичь, «что еще по первой грамапѣ, жалованной дѣду нашему въ 1558 году, по коей намъ отданы во владѣніе всѣ земли, лежащія внизъ по Камѣ отъ земли Пермской до рѣки Сылвы и берега Чусовой до ея вершины, мы

имѣемъ право принимать къ себѣ всякихъ людей вольныхъ, а послѣднею грамотою, полученною отъ Царя Іоанна Васильевича на имя отца моего въ 1574 году, коею распространены наши владѣнія до самаго Каменнаго хребта, мы можемъ укрѣпляться на берегахъ Тобола и вести войну съ Кучумомъ. »

« Тутъ нѣтъ никакого сомнѣнія, отвѣчалъ Ермакъ, «и я совѣтую тебѣ отложить всякій страхъ. Іоаннъ самъ разрѣшилъ тебя идти съ огнемъ и мечемъ за Каменный поясъ. »

« Я этого не боюсь, но желалъ лишь знать твое мнѣніе: не дашь ли знать Чердынскому Намѣстнику о нашемъ предпріятіи? Нечего таить предъ тобою, Воевода Перепелицынъ человѣкъ недобрый, и, пожалуй, перетолкуетъ въ худую сторону наше доброе дѣло. »

« Нѣтъ, Максимъ Яковлевичь, по моему лучше помолчать до времени, хуже будетъ, какъ не веляпъ идти.»

« Мы не послушаемъ.»

« Тогда подадимъ сами законный предлогъ предстaвить насъ ослушниками. Напротивъ будетъ поздно крамольничать, когда мы дѣлами честными привяжемъ злые языки завистниковъ. Съ Божіею помощію и твоимъ пособіемъ, я ожидаю совершеннаго успѣха.»

Долго еще проговорили между собою главные виновники завоеванія Сибири наканунѣ роковаго дня похода. — «Но что это за люди, пробирающіеся по берегу рѣки въ близъ лежащую дубраву? Шаги ихъ нетверды, даже тусклая пѣнь, стелющаяся отъ нихъ по мягкой муравѣ, кажется дрожащею, трепещущею? Уже они близки, чтобъ

скрыться въ темнотѣ рощи, какъ яркій лучъ мѣсяца, вырвавшагося изъ черной тучи, обличилъ въ двухъ изъ нихъ Атамана Мещеряка и подъячаго Ласку. Но за чѣмъ они идутъ въ лѣсъ и въ такое время? Кажется, эти оба молодца равнодушны къ прелестямъ свѣтлой осенней ночи, сердца ихъ свободны отъ нѣжныхъ ощущеній, кои люди чувствительные любятъ переливать въ душу другаго при свѣтѣ томной луны? Они люди толковые, но лукавые, и неужели, какъ хищные враны бѣгутъ въ мрачность лѣса совѣщаться о какомъ нибудь умыслѣ? Жаль, что не кому ихъ подслушать. —Такъ, или почти такъ, разсуждалъ старикъ Денисъ, дожидаясь на галдареѣ выхода изъ свѣтлицы Ермака Тимофеевича, и отъ скуки и нетерпѣнія глазѣя въ ту сторону.

Вотъ, наконецъ, вышелъ отъ Строгонова и Ермакъ Тимофеевичь. Денисъ, не теряя ни минуты, почти вбѣжалъ къ своему господину, и, оглядѣвъ съ осторожностію вокругъ себя, началъ говорить въ полголоса:

«Я твою волю выполнилъ, государь Максимъ Яковлевичь, но боюсь сказать правду.»

«Говори смѣло.»

«Да то-то, что и у меня самаго языкъ не поворачивается. А молодецъ, чѣмъ болѣе узнаю его, тѣмъ больше мнѣ по душѣ.»

«Мнѣ самому онъ всегда нравился. Признаюсь, что и въ первый разъ, когда онъ былъ здѣсь подъ настоящимъ своимъ именемъ, я прочилъ его въ женихи Танюшѣ, отъ того и давалъ имъ способы видаться.»

« Да и накликалъ себѣ бѣду на шею.»

« Какую бѣду, спаринушка?»

« А вотъ какую: знай, что Гроза или Князь Сипской, (какъ прикажешь назвать), гадаетъ не о Татьянѣ Максимовнѣ, а о другой, какой-то козачкѣ. Онъ спитъ и видитъ одну ее и поклялся на другой не жениться.»

« Повѣрь, что эту блажь онъ выкинетъ изъ головы,» замѣтилъ Спрогоновъ съ значительною улыбкою, если узнаетъ о счастіи, которое предстоитъ ему, о которомъ онъ не смѣетъ и думать. Гдѣ ему найти невѣсты богаче и краше нашей Танюши?»

« Добавь, батюшка, и добрѣе и милостивѣе ея,» сказалъ старикъ со слезами. «Да видно нечистой сталъ нынѣ сильнѣе прежняго; но его на-

вожденію молодежъ нынѣ вздумала любить. Прежде не смѣли этого подумать, не только выговорить. Ужъ не Божіе ли это наказаніе на дѣтей за грѣхи отцевъ ихъ? Кабы послушалъ ты, Максимъ Яковлевичъ, какую дичь поретъ Володиміръ, когда заговоритъ про свою любезную? Жаль, что боярышня къ нему, проклятому, привязалась.»

«Но она благоразумна и безъ сомнѣнія опомнится, когда узнаетъ, что Владиміръ любитъ другую. Я думаю, что это послужитъ лучше всего къ ея послушанію.»

«Дай-ка Богъ, чтобъ по твоему сдѣлалось, а я слыхалъ, что недугъ этотъ скорѣе изсушитъ, чѣмъ отстанетъ отъ дѣвушки.»

« Пустое, онъ переходчивъ,» замѣтилъ Спрогоновъ съ нѣкоторою разсѣянностію, и подумавъ нѣсколько, продолжалъ: «Скажу тебѣ Васильичь, какъ старинному другу нашего дома, что съ тѣхъ поръ, какъ говорили мы съ тобою, я предпринялъ другое для счастія Танюши. Новый предметъ, мною избранный, достойнѣе. ...»

« Да, батюшка, Максимъ Яковлевичъ, ужъ нечего сказать, Татьяна Максимовна по разуму и красотѣ достойна быть Царицею.»

« А почему бы и не быть Царицею?» сказалъ Спрогоновъ съ чувствомъ гордости, до сего въ немъ не замѣчаемой.

Денисъ выпучилъ на него глаза въ недоумѣніи.

« Да, Васильичъ, если Богу будетъ угодно, я избралъ въ женихи Танюшѣ человѣка необыкновеннаго, великаго, знаменитаго, не родомъ и племенемъ, а духомъ и разумомъ. »

« Христосъ съ тобою, неужъ то изволишь говорить о Нѣмецкомъ рыцарѣ. Правда, онъ хитеръ на выдумки и красивъ на лице, говорятъ даже, будто онъ чуть не Князь въ Лифляндахъ, да воля твоя, Государь, онъ не стоитъ волоска нашей боярышни.»

« Ты смѣшенъ мнѣ, Васильичь, съ твоимъ рыцаремъ. Неужели ты не знаешь никого его превосходнѣе.»

« Ума не приложу, батюшка. . . . Ужъ не Царь ли Іоаннъ Васильевичъ жалуетъ тебя своею Царскою милостію, беретъ за себя Татьяну Максимовну?»

«Онъ ужъ и такъ женатъ не то на пятой, не то на шестой.»

«Или шлетъ къ намъ Царевича или Удѣльнаго...»

«Сохрани Богъ! Пожалуй пришлетъ Басманова или Скуратова въ женихи. Довольно того, что и въ Москвѣ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ Боярскихъ дѣвицъ перевыдалъ за своихъ опричныхъ.....»

Раздавшійся ружейный выстрѣлъ въ столь позднее время прервалъ разговоръ. Строгоновъ и Денисъ всполошились, но каждый по разнымъ догадкамъ: Строгоновъ, замѣтивъ въ сумеркахъ Грозу удалившимся далеко отъ крѣпости, вообразилъ, что на него сдѣлалъ нападеніе какой нибудь дикой звѣрь, и онъ оппаливается; Орлу, напротивъ,

прежде всего пришелъ на умъ Мещерякъ и Ласка, коихъ онъ видѣлъ за нѣсколько часовъ до сего пробиравшимися подозрительно въ лѣсъ.

Выстрѣлъ произвелъ всеобщую тревогу: народъ бѣжалъ на мѣсто, откуда онъ раздался, но ничего и никого не могъ найти тамъ. Скрывшійся мѣсяцъ увеличивалъ темноту ночи, такъ что не было возможности производить поисковъ. Собирались вернуться въ городъ, какъ изъ лѣсу показалась черная тѣнь: она шла прямо на шумъ, и въ скорости узнали въ ней Грозу, который разрѣшилъ недоумѣніе, объявивъ, что стрѣлялъ по тремъ человѣкамъ, нехотѣвшимъ откликнуться, когда проходилъ онъ мимо крайнихъ лодокъ, и побѣжавшимъ отъ него въ лѣсъ.

Между тѣмъ принесли пуки зажженой лучины, и Владиміръ повелъ народъ за буеракъ, скрывавшій лодки. Здѣсь, къ большему для всѣхъ ужасу, нашли косперъ, составленный изъ разныхъ горючихъ веществъ, который стоило только зажечь, чтобъ обхватило огнемъ весь флотъ. Ласка и Мещерякъ искреннѣе всѣхъ ужасались сему злодѣянію и открыли даже веревку, натертую селитрою, которая проведена была къ самому пороху. Сіе послѣднее казалось тѣмъ удивительнѣе, что часовой, который приставленъ былъ въ ночное время къ симъ ладьямъ, не видалъ никого, кто бы приблизился къ нимъ, хотя издали.

Максимъ Яковлевичъ крайне обезпокоился симъ приключеніемъ, а

Орла, въ добавокъ къ тому, мучило еще любопытство—узнать о новомъ женихѣ, о которомъ не успѣлъ вывѣдать за прокляпымъ выстрѣломъ.

ГЛАВА V.

Козаки отправляются въ походъ. — Устройство рати. — Правда въ душѣ. — Молебствіе. — Знамена. — Счастливая перемѣна для рыцаря.

1 Сентября 1581 года, замѣчено было въ Орловскихъ лѣтописяхъ, (если таковыя существовали) днемъ величайшаго событія. И подлинно, оно представило зрѣлище, какому подобнаго врядъ ли когда будетъ на берегахъ Камы, не смотря на то что и въ семъ краю удаленной Россіи безпрерывно увеличивается народонаселеніе, строются города и села, умножаются заводы и золо-

тые пріиски; не смотря, что не только Строгоновъ, но и самъ Ермакъ не предполагали, вѣроятно, тѣхъ успѣховъ, коими увѣнчались предпріимчивость и любовь къ отечеству перваго, храбрость, разумъ и великій духъ втораго.

При первыхъ лучахъ краснаго солнышка, весело выкатившагося изъза чернаго бора, Ермакъ вывелъ свою дружину изъ крѣпости и выстроилъ по сотнямъ, на которыя она была раздѣлена. Сотни дѣлились на половины, а тѣ на десятки, и какъ тѣ, такъ и другія имѣли своихъ Начальниковъ: Атамановъ, Есауловъ, Сотниковъ и Десятниковъ. И хотя храбрая дружина, готовящаяся завоевать безпредѣльную Сибирь, покорить цѣлые народы, въ ней обитавшіе, едва состояла изъ 900 воиновъ; но бодрый видъ, крѣ-

постъ мышцъ, широкія плеча и вмѣстѣ легкій станъ каждаго, представляли купу атлетовъ безстрашныхъ, непобѣдимыхъ, готовыхъ летѣть на всякую опасность, перенесть всякую крайность, превозмочь всякую преграду. Собственно козаки составляли восемь сотенъ подъ начальствомъ Кольца, Пана, Грозы, Мещеряка, Михайлова, Есауловъ Брязги и Самуся. Девятая, составившая изъ Нѣмцовъ, Поляковъ, Литовцевъ и подобнаго сброду Нагайскихъ плѣнниковъ, была поручена знакомому намъ Рыцарю Фонъ-Реку. Всѣ они одѣты были въ новые кафтаны сѣраго сукна и снабжены добрыми фузеями и острыми мечами. Веселость и хохотъ, раздававшіеся въ рядахъ дружины, доказывали не только всеобщее согла-

сіе, но пламенное желаніе какъ можно скорѣе пустишься въ сей трудный походъ. Достаточно подслушать стараго пріятеля нашего Грицко Коржа, чтобъ убѣдиться въ томъ. Шутками его, подобно прибаутками нынѣшнихъ солдатъ-балагуровъ, которые всего вѣрнѣе изображаютъ духъ, понятія и расположеніе войска, Ермакъ весьма искусно умѣлъ пользоваться, употребляя ихъ нерѣдко для управленія и воспламененія своей вольной дружины. Онъ и теперь сквозь пальцы смотрѣлъ на безпорядокъ козаковъ и не мѣшалъ имъ подбѣгать изъ другихъ сотенъ въ сотни Грозы, гдѣ находился забавникъ. Особливо кинулись они къ нему при видѣ Горынича, полагая, что тутъ будетъ большая потѣха, и не обманулись. Коржъ будто ненарокомъ загоро-

дилъ ему дорогу. Спѣсивый карло толкнулъ его изъ всей куриной мочи, и Грицко, котораго, судя по исполинскому росту и крѣпости, не сдвинула бы Чувашская скала, еслибъ вздумала тронуться съ своего мѣста, повалился какъ снопъ къ ногамъ Горынича.

«Знай нашихъ,» воскликнулъ карло съ самодовольствіемъ.

«Раздайтесь братцы шире, давайте дорогу просторнѣе Строгоновскому богатырю,» кричалъ Грицко съ земли. «Пожалуй онъ передавитъ насъ всѣхъ, какъ червяковъ, выползшихъ на бѣлый свѣтъ изъ навозной кучи.»

Козаки раздались, но поставили на пути Горынича крестъ на крестъ пики свои, такъ что онъ долженъ былъ перелѣзать или пе-

репрыгивать черезъ каждую изъ нихъ.

«Буяны, головорѣзы,» пищалъ разгнѣванный карло. «Да слава Богу не долго вамъ разбойничать: наши Сибиряки уймутъ хоть не васъ.»

»Ну полно пугать то, змѣй Горыничь,» отвѣчалъ Грицко безъ малѣйшей улыбки.

«Скоро узнаете нашу братью Вогуловъ.»

«Уфъ! страшно! морозъ по кожѣ подираетъ отъ однихъ словъ твоихъ! Да не помѣряться ли намъ напередъ? сказалъ онъ, обращаясь къ козакамъ. Будемъ вѣдать по немъ, сколько нужно нашей братьи на одного Вогула.» Онъ кивнулъ головою и Горыничь уже леталъ по воздуху: шесть молодыхъ козаковъ бросали его въ верхъ на

широкомъ кафтанѣ, а прочіе помирали со смѣху.

Владиміръ равнодушно смотрѣлъ на сіе позорище и даже улыбался, доколѣ раздавались угрозы и брань воздушнаго путешественника, но когда сей послѣдній сталъ жалобно упрашивать своихъ мучителей, чтобъ его освободили, то онъ приказалъ имъ перестать. Горыничь, почувствовавъ себя на ногахъ и подъ покровительствомъ сильнаго, принялъ прежній спѣсивый видъ и съ презрѣніемъ сказалъ:

«Ну что, собаки, взяли? десятеро на силу съ однимъ сладили. А еще затѣяли воевать Сибирь. Да станетъ ли у васъ и смысла на что доброе. Строгоновъ не чета вамъ, а живетъ Вогульскимъ умомъ, разумомъ.»

« Насмотрѣлись, насмотрѣлись, Горынушка! И подлинно безъ земляка твоего Ласки ничто у васъ не дѣлается, и мы бы далеко были за Каменнымъ поясомъ, замѣтилъ Грицко съ язвительною усмѣшкою.

« А кто жъ васъ поведетъ и туда, какъ не онъ, пропищалъ карло и пустился бѣжать, такъ что Владиміръ, вслушавшись въ послѣднія слова, не успѣлъ сдѣлать ему никакого вопроса. Въ то же время показались изъ воротъ крѣпости Строгоновъ съ Игумномъ въ сопровожденіи многочисленнаго причета.

На бугрѣ, смотрѣвшемся почти отвѣсно въ быструю рѣку, пріуготовлено было мѣсто для отправленія молебствія съ водоосвященіемъ. Хотя въ тѣ времена, даже въ Столицѣ церковные обряды не

представляли того великолѣпія, съ коимъ нынѣ славится имя Божіе во всѣхъ концахъ православной Россіи: утварь рѣдко бывала изъ серебра, а большею частію деревянная или изъ олова; штофы или парчи не всегда украшали рамена служителей алтаря, холстина, а много бумажная выбойка замѣняли ихъ, а потому богатая риза, съ жемчужными оплечьями, которую воздѣлъ на себя Игуменъ Варлаамъ, глазетовые стихари на двухъ другихъ Священникахъ и на Дьяконѣ, а шелковые на церковникахъ, наконецъ бѣлая властительская шапка, которую вмѣстѣ съ набедренниками и палицею, испросилъ отъ Патріарха Аника Строгоновъ для Настоятеля Пыскорскаго монастыря, (основаннаго имъ въ 1560 году въ возблагодареніе за первыя жало-

ванныя ему грамоты Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ), ослѣпили всѣхъ изумленіемъ. Вокругъ деревяннаго стола, покрытаго также маперчатою пеленою, на коей лежали позлащеное Евангеліе, таковой же крестъ и возвышалась огромная купель съ водою, развѣвалось шесть новыхъ знаменъ на высокихъ древкахъ. На ближайшемъ изъ нихъ написанъ былъ по зеленому шпофу ликъ Іисуса, а на другомъ въ голубомъ полѣ Св. чудотворецъ Николай. Сверхъ того, всѣ четыре стороны перваго покрыпы были слѣдующими изреченіями: «Аще на брани узриши кони и всадники множайшыя тебѣ, да неубошися ихъ, яко Господь Богъ съ тобою. — И поженутъ отъ васъ пять сто, и сто васъ поженетъ тьмы, а падутъ врази ваша предъ вами

мечемъ.» А на другомъ по голубому полю начертаны были извѣстныя слова изъ Акаѳиста: «Радуйся Николае, отъ мятежи и брани соблюдаяй; радуйся отъ узъ и плѣненія свобождаяй, радуйся, яко тобою люты смерти избѣгаемъ, радуйся тѣлесъ здравіе и душъ спасеніе.»

Въ числѣ прочихъ знаменъ замѣчательнѣе всѣхъ по величинѣ своей и красотѣ письма было черное, на коемъ изображался адъ — болѣе чѣмъ въ тысячи фигурахъ. Говорятъ, что кромѣ грѣховъ, поименованныхъ въ заповѣдяхъ Господнихъ, художникъ замысловато представилъ многіе другіе, согласно понятіямъ того вѣка; (*) какъ то: не-

---

(*) Такъ называемыя Строгоновскія иконы XVI и XVII вѣка, цѣнящіяся старообрядцами

благодарность, себялюбіе, (эгоизмъ), презрѣніе къ старшимъ и властямъ, и прибавляютъ: будто грѣховодники сіи, выпѣснившіе бы нынѣ числомъ своимъ цѣлый адъ на картинѣ, умѣщались тогда въ не большомъ уголку преисподней Надпись состояла изъ двухъ изреченій Апокалипсиса: «Побѣждающему дамъ

весьма дорого. Въ церквѣ Преображенскаго кладбища въ Москвѣ можно видѣть нѣсколько такових иконъ и согласиться, что и въ Италіи онѣ были бы уважены не менѣе Каноніановыхъ, на нѣкоторыхъ изъ нихъ есть по спу и болѣе фигуръ, одна на другую непохожихъ и правильно нарисованныхъ, особенно краски удивительно свѣжи, какъ будто вѣки до нихъ не касались своимъ дыханіемъ. Должно полагать, что это былъ родъ школы, занимающій средину между Греческимъ и Итальянскимъ стилемъ.

сѣсти со мною на престолѣ моемъ и побѣжани не имать вредитися отъ смерти вторыя.»

По окончаніи молебствія съ колѣнопреклоненіемъ, Ермакъ самъ взялъ чашу и понесъ ее къ ладьямъ. Игуменъ, окропивъ ихъ святою водою, возвратился къ знаменамъ и совершивъ съ ними подобный обрядъ, вручилъ ихъ Начальникамъ дружинъ по старшинству съ приличными поученіями. Наконецъ онъ осѣнилъ всѣхъ крестнымъ знаменемъ. Тогда Максимъ Яковлевичь, подойдя къ Ермаку Тимофеевичу и обнявъ его съ непритворною искренностію, сказалъ съ чувствомъ:

« Въ лицѣ твоемъ, Ермакъ Тимофеевичь, я обнимаю всю твою храбрую дружину и благодарствую за гощеніе. Не вѣдаю, показалась ли вамъ моя хлѣбъ-соль, по крайней мѣ-

рѣ я предлагалъ ее съ усердіемъ. Гладкія поля, превращенныя мощною рукою вашею изъ непроходимыхъ лѣсовъ, будутъ свидѣтельствовать грядущимъ столѣтіямъ о вашемъ трудолюбіи, будутъ служить примѣромъ для воиновъ въ мирное время.»

Тутъ онъ далъ знать старому Орлу и онъ открылъ изъ-подъ покрывала икону въ жемчужномъ убрусѣ. Строгоновъ, перекрестясь, приложился къ ней и передавая ее Ермаку, продолжалъ: «Напутствую васъ, дорогіе гости, святымъ ликомъ вашего заступника. Подъ сѣнію его, съ обѣтомъ доблести и цѣломудрія, идите очистить землю Сибирскую и выгнать безбожнаго Салтана Кучума.»

Ермакъ съ благоговѣніемъ принялъ святую икону изъ рукъ Строгонова,

низко ему поклонился и отвѣтствовалъ:

« Не тебѣ, Максимъ Яковлевичь, а намъ подобаетъ благодарствовать за твои къ намъ щедроты. Ты укрылъ наши головы, снарядилъ насъ одеждою и обувью, надѣлилъ въ дальній путь оружіемъ и хлѣбомъ. Нѣтъ! ты сдѣлалъ болѣе: ты показалъ разбойникамъ путь ко спасенію душъ ихъ и головъ, ты сдѣлалъ изъ нихъ гражданъ отечества, вѣрныхъ слугъ Царя Православнаго! Идемъ съ вѣрою на великое дѣло для славы и пользы матушки Россіи. »

« Идемъ, идемъ, » раздалось какъ громовымъ ударомъ въ воздухѣ и къ величайшей неожиданности повторилось эхомъ отъ залпа изъ всѣхъ пушекъ и пищалей, находившихся на ладьяхъ.

Между тѣмъ накрыли длинные столы по гладкому берегу, выкатили изъ подваловъ нѣсколько бочекъ крѣпкаго меду и храбрая дружина безпечно предалась веселію пранезы.

Всѣ ликовали кромѣ Ермака, Грозы и Рыцаря Река. Первый былъ занятъ окончательными распоряженіями для изготовленія въ походъ, бесѣдуя часто съ Максимомъ Яковлевичемъ, и толкуя нерѣдко съ Ласкою, который данъ былъ имъ въ проводники за Каменный поясъ, какъ самый знающій всѣ пути, къ нему ведущіе, ибо Ласка былъ изъ числа тѣхъ смѣльчаковъ, коихъ посылали Строгоновы въ Сибирь для мѣны товаровъ, и притомъ былъ родомъ Вогулъ. Гроза не могъ раздѣлять общаго веселія и потому, что съ удаленіемъ въ неизвѣстный край, для неизвѣстнаго предпрія-

тія, перялъ послѣднюю надежду услышать когда либо о своей Великѣ, для отысканія которой давно уже отправился его неизмѣнный другъ Уркунду. Ему также спрахъ не нравилось назначеніе Ласки въ проводники: какое - то черное предчуствіе грызло его ретивое.

Фонъ-Рекъ по вліянію Мещеряка, непредвидѣвшій ничего добраго въ семъ походѣ, неохотно разставался съ предметомъ его пламенной, хотя безнадежной любви. Зоркій глазъ его, не смотря на чащину рѣшетки, давно замѣтилъ женскую фигуру, стоявшую въ окошкѣ терема, обращеннаго къ сторонѣ Камы. Можетъ быть, думалъ иногда онъ, я тотъ счастливецъ, котораго провожаютъ, но вспомнивъ происшествіе съ бакаломъ, терялъ надежду и болѣе еще хотѣлъ бы вос-

торжествовать надъ счастливымъ соперникомъ. Можно вообразить послѣ сего его восхищеніе, когда Ермакъ Тимофеевичь, подойдя къ нему, обратился съ сею рѣчью:

«Не нужно толковать тебѣ, Рыцарь, что Максимъ Яковлевичь, отпуская съ нами всю свою силу, имѣетъ надобность найти не только личную храбрость, но умъ и прозорливость въ начальникѣ небольшой дружины, которая остается съ нимъ для защиты его и всѣхъ его заведеній отъ внезаннаго набѣга непріятелей. Мы всѣ признаемъ въ тебѣ сіи необходимыя качества, а потому по волѣ его присудили оставить тебя здѣсь для охраненія его. Надѣемся, что ты не откажешься отъ сего важнаго и полезнаго назначенія.»

Сколь ни согласно было съ собственнымъ желаніемъ Рыцаря таковое предложеніе, но лукавый Нѣмецъ согласился не прежде на оное, какъ высказавъ отчаяніе, что не будетъ раздѣлять съ храбрыми завоевателями Сибири знаменитыхъ трудовъ и опасностей. И такъ желаніе его исполнилось, онъ не будетъ имѣть предъ глазами счастливаго соперника, онъ можетъ заставить забыть его, можетъ найти случай поправиться.... Сборная дружина его отдана тотчасъ же Есаулу Брязгѣ, котораго Атаманъ отличалъ предъ всѣми другими.

Скоро при звукѣ трубъ воинскихъ, и радостныхъ ура! флотилія отвалила отъ берега и стройно покатилась по быстрымъ струямъ широкой Камы.

ГЛАВА VI.

Трудное плаваніе по рѣкѣ Силвѣ. — Отдохновеніе. — Прибытіе Шамана. — Печальное извѣстіе о Великѣ. — Бѣгство подьячаго Ласки. — Возвращеніе козаковъ въ Чусовую. — Бѣдствія на сей рѣкѣ. — Трудности при достиженіи Серебрянки. — Изобрѣтеніе Ермака перебираться черезъ мели. — Заливье. — Кукуй.

Чусовая, хотя и при устьѣ не теряетъ быстроты своей, но глубина воды позволяетъ здѣсь идти на греблѣ, а отъ того плаваніе нашихъ Аргонавтовъ было довольно успѣшно до самой Силвы. Въ сей послѣдней рѣкѣ мели останa-

вливали часто ихъ усилія. Не смотря на то, въ 10 дней они поднялись такъ далеко вверхъ, что рѣка сдѣлалась почти неспособною къ судоходству и должно было полагать близко ея вершину. Къ удивленію и досадѣ всѣхъ, проводникъ уговаривалъ идти далѣе.

Въ одинъ день, претерпѣвъ большія бѣдствія отъ мелководія и ненастья, они остановились ночевать у подошвы тѣнистой рощи, какъ будто насаженной по зеленому лугу. За нею, шагахъ во стѣ возвышался крутый берегъ; но онъ не преграждалъ совершенно зрѣнія вдаль: чрезъ двѣ широкія разщелины можно было видѣть восхитительную долину, разстилающуюся за нимъ на необозримое пространство. Разщелины сіи или глубокіе овраги образовали между собою

мысъ въ родѣ зáмка отдѣльнаго, неприступнаго. На немъ разложенъ былъ яркій косперъ; огненныя искры высоко поднимались изъ него въ поднебесье, подобно раскаленнымъ камнямъ, летающимъ изъ жерла огнедышущей горы, и при ночной темнотѣ казались метеорами, распространявшими около себя кровавое зарево на дальнее разспояніе. Окруженный Атаманами Ермакъ сидѣлъ спиною къ огню, и казалось, едва слушалъ разсужденія Ласки о дальнѣйшемъ пути и скорой возможности перейти въ черныя рѣки, т. е. въ тѣ, которыя обращены на востокъ, отъ чего плаваніе, бывъ по теченію водъ, сдѣлается несравненно легче. Но если бъ Ермакъ обернулся къ свѣту, то легко бы можно было замѣтить на нахмуренномъ челѣ его

слѣды неудовольствія и досады, которыя увеличивались при каждомъ словѣ Ласки. Но вотъ Ашаманъ встаетъ съ своего мѣста, вглядывается вдаль и подозвавъ къ себѣ Грозу, шепчетъ ему что-то на ухо. Сей послѣдній удаляется, а Мещерякъ съ Ласкою обмѣниваются взорами. Ермакъ и послѣ сего не спускаетъ глазъ съ черной точки, замѣченной имъ на рѣкѣ. Точка эта придвигалась болѣе и болѣе, увеличивалась и наконецъ зоркій глазъ Ашамана ясно опличилъ въ ней челнокъ съ человѣкомъ, борющимся противъ стремленія рѣки. Скоро усмотрѣлъ его и сторожевой козакъ, стоявшій у пристани и окликнувъ три раза безъ отвѣта, прикладывался уже выпалить, какъ подоспѣвшій Гроза удержалъ его отъ того. Вскорѣ до слуха Ермака, не менѣе

чупкаго, долетѣлъ какой-то несвязный гулъ; вскорѣ замелькали по всему стану какія-то тѣни и самые костры, разложенные по берегу въ разныхъ видахъ и направленіяхъ какъ будто зашевелились. Наконецъ изъ Лишовской дружины прибѣгаетъ посланецъ съ вѣстію, что схватили перемѣтчика, но козакъ, присланный въ слѣдъ за нимъ отъ Грозы, принесъ извѣстіе, что онъ ведетъ Шамана Уркунду. Ермакъ примѣтно обрадовался сей неожиданности и не мало удивился, когда обернувшись къ костру, чтобъ раздѣлить радость съ своими собесѣдниками, никого не нашелъ тамъ болѣе. Кольцо, какъ узнали въ послѣдствіи, кинулся, при первой вѣсти на встрѣчу нежданаго гостя, а Мещерякъ съ Ласкою, какъ гово-

рить преданіе, пошли въ противную сторону.

Уркунду изъявилъ немецемѣрные знаки радости при свиданіи съ старыми друзьями своими, не смотря на то, Ермакъ прочелъ въ лицѣ его какую-то особенную угрюмость. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, онъ готовился отпустить его на покой, желая и самъ, по случаю поздняго вечера отдохнуть для завтрашнихъ новыхъ трудовъ, но Шаманъ, схватя его за руку, сказалъ съ свойственною ему грубостію:

« Я полагалъ тебя разумнѣе. . . »

« Спасибо, отвѣчалъ Ермакъ, за что такая милость?

» За то, что Ермака обманули какъ филина.

» Кто? чѣмъ? говори скорѣе.

«Пора спать, а завтра, когда первые лучи дневнаго свѣтила просвѣтятъ твой разумъ, я скажу тебѣ и докажу: ты согласишься.»

Напрасно Ермакъ упрашивалъ и требовалъ, чтобъ Уркунду не медлилъ болѣе своимъ откры тіемъ: Шаманъ объявилъ, что этаго онъ ни за что не сдѣлаетъ сегодня, что это было бы противно волѣ его Боговъ..... Атаманъ, зная его дикій нравъ, вынужденнымъ нашелся согласиться на столь странное, непонятное упорство, притомъ и до восхожденія солнца оставалось только нѣсколько часовъ.

Поступилъ ли Уркунду по закону своей Шаманской вѣры, которою дѣйствительно запрещалось предпринимать всякое важное дѣло

по захожденіи солнца — это увидимъ въ послѣдствіи, а теперь замѣтимъ только то, что онъ не былъ столь неумолимъ въ удовлетвореніи любопытства Грозы, хотя и сей послѣдній не могъ вырвать ни полсловечка о судьбѣ своей Велики, доколѣ Шаманъ не усѣлся на оленью кожу и не ткнулъ своей рожи въ самый огонь.

« Не мучь меня долѣе, другъ Уркунду,» сказалъ наконецъ Владиміръ, снѣдаемый любопытствомъ и страхомъ, «скажи ради Бога, гдѣ Велика, здорова ли она, любитъ ли меня?

« Многаго хочешь вдругъ, пріятель,» отвѣчалъ хладнокровно Шаманъ, «будь доволенъ, когда узнаешь, что я нашелъ твою Велику еле живу.»

« А теперь, перебилъ его Владиміръ? »

« Теперь? Встала на ноги, но осшались одни кости, до кожа. Ты бы не узналъ и не взлюбилъ ее. . . . »

« Нѣтъ, Уркунду, » воскликнулъ Гроза, « я полюбилъ ее еще болѣе, если только можно любить болѣе. . . . »

Чувство, съ какимъ произнесъ Владиміръ сіи послѣднія слова, проникло въ душу дикаго Шамана, пронуло отъ природы его доброе сердце, и онъ, безъ дальнѣйшихъ вопросовъ удовлетворилъ вполнѣ его нетерпѣнію, разсказавъ, какъ нашелъ ее въ Киргизскомъ аулѣ при смерти и какими хитростями заставилъ Нуръ-Гали, уступить свою невольницу. Жадный Бухарецъ, купившій Велику для Гарема Сибирскаго Царя Кучума, побоялся, что со смертію ея, лишится не только

воображаемыхъ барышей, но и собственныхъ своихъ денегъ, а потому Уркунду, взявшись пользовать ее, усугублялъ ежедневно опасенія корысполюбиваго шоргаша, на счетъ продолжительной и неизлѣчимой ея болѣзни, такъ что Гали радовался въ душѣ мыслію, что обманулъ Шамана, когда уговорилъ его купить Велику за половинную цѣну, увѣряя, что ему болѣе того дадутъ за нее на Дону, если онъ отвезетъ ее къ родственникамъ.

Цѣлебныя травы и надежда возвратиться на родину скоро воскресили умиравшую дѣвушку и дали ей сверхъ естественныя силы къ перенесенію труднаго и продолжительнаго странствованія. «Мы выбрались уже было въ лѣсъ и считали себя въ безопасности, продолжалъ Уркунду, анъ не тутъ-то

было: наскакали на насъ разбойники. Ихъ было четверо и между ними Нуръ-Гали и Дервишъ. Что мнѣ было дѣлать одному съ ними?»

«Какъ! ты не защищался?» спросилъ сердито Гроза.

«Вѣстимо,» отвѣчалъ хладнокровно Шаманъ.

«Трусъ, ты отвѣтишь мнѣ своею головою,» вскричалъ въ неистовствѣ Гроза.

«Полно бѣситься-то,» перебилъ его съ тихостію Уркунду. «Посмотрѣлъ бы я, какъ бы и ты съ твоею храбростію отстоялъ любезную свою отъ четырехъ злодѣевъ. Дервишъ уговорилъ вишь Галія, отнять у меня Велику, увѣривъ что я его обманулъ и повезъ самъ ее къ Кучуму.»

«Гдѣ же теперь Велика?» спросилъ съ нетерпѣніемъ Гроза.

« Чай въ Гаремѣ у Царя Сибирскаго. »

« И ты говоришь равнодушно? »

« А какъ же? И тебѣ совѣтую не плакать, а молиться Богу. Съ его помощію мы отымемъ у Кучума Велику и со всѣми его женами. »

« Слабое утѣшеніе, » сказалъ со вздохомъ Владиміръ. « За чѣмъ же ты не преслѣдовалъ разбойниковъ.? »

« За тѣмъ, что хочется еще послужить тебѣ. Дервишу больно хотѣлось меня уходить, да спасибо, Киргизцы ему не потакнули, однако запретили мнѣ показываться въ ихъ аулахъ, если хочу еще пожить на бѣломъ свѣтѣ. А они, бачька, слово свое держатъ погласже васъ козаковъ. . . . »

Чтобъ умѣрить нѣсколько грусть бѣднаго Грозы, Шаманъ во всю

ночь разсказывалъ ему подробности, касающіяся до его любезной и дѣлалъ планы для ея освобожденія. Со всѣмъ тѣмъ ночь сія показалась безконечною для отчаяннаго любовника. Не менѣе длинна и упомительна была она и для Ермака Тимофеевича, несмыкавшаго глазъ съ глазомъ. Съ восторгомъ онъ встрѣтилъ первые лучи восходящаго солнца, а съ ними вмѣстѣ предсталъ предъ него Уркунду, вѣрный своему обѣщанію. Никто не слыхалъ ихъ разговора, только можно полагать, что Шаманъ доказалъ ясно предводителю храброй дружины, что онъ заведенъ въ Сильву или обманомъ, или глупостію проводника, ибо тотчасъ же отданъ былъ приказъ готовиться къ обратному походу. Ласку нигдѣ не могли найти. Мещерякъ первый

принесъ извѣстіе, что онъ скрылся, лишь только услышалъ о прибытіи Шамана; и какъ онъ подозрѣвалъ его въ семъ умыслѣ, то нарочно спряталъ его кису, которую и отдалъ Ермаку. Непріятели, или лучше сказать всѣ тѣ, которые знали настоящую цѣну Мещеряка, удивлялись его изворотливости и старалися отгадать причину сей новой измѣны; но Ермакъ принялъ это знакомъ его усердія къ общей пользѣ. Въ особенности онъ уѣвердился въ сей мысли, когда въ сумѣ нашли письмо Ласки къ Перепелицыну, гдѣ предатель съ наглостію возмущалъ Воеводу противу козаковъ и Максима Яковлевича, и клеветалъ на опальнаго Князя Сибирскаго, коего они укрываютъ отъ правосудія Царскаго. На другихъ лоскуткахъ отъ разо-

дранаго письма, разобрали, что онъ извѣщалъ кого-то о выводѣ въ скорости всей рати изъ Каргедана и другихъ городковъ....

Побѣгъ Ласки не оставилъ никакого сомнѣнія въ справедливости показанія Шамана, и козаки съ радостію пустились въ обратный путь. Быстрое теченіе Сильвы облегчило сплавъ ихъ до Чусовой, но здѣсь встрѣтили ихъ всякаго рода запрудненія и бѣдствія. Уже болѣе недѣли денно и ночно лилъ проливной дождикъ, рѣзкій вѣтеръ вырывалъ весла изъ сильныхъ рукъ гребцовъ — съ упорствомъ споривавшихъ стремленіе рѣки, которая, какъ будто для вящшаго утомленія дерзновенныхъ осмѣлившихся не уважать ея быстроту, съ ревомъ катила по хребту своему камни имъ на встрѣчу. «Стой!

раздалось на первой лодкѣ и громко откликнулось въ ущесахъ береговъ, которые во многихъ мѣстахъ столь низко нависли надъ водою, что представляли ворота, едва оставлявшіе мѣсто для прохода подъ собою мелкимъ ладьямъ: можно представить, сколь трудны и опасны были таковые проходы, ибо волны, вырывъ себѣ свободный ходъ подъ берегомъ, устремлялись туда всѣмъ своимъ напоромъ, оставляя всю ширину рѣки почти лишенною воды. Только изрѣдка перепрыгивали тамъ струи укрывшіяся отъ общаго порыва по изрытому и безобразному граниту, образуя пѣнящіеся каскады или крутящіеся водовороты.

«Видно опять нашкнулись на черповъ омутъ,» сказалъ Чабанъ, утирая со лба крупныя капли по-

шу. «Когда-то Богъ пронесетъ насъ черезъ нихъ?»

« Скоро соскучимся, » замѣтилъ Коржъ. «Еще другаго ряду мозолей не наклеилъ себѣ на руки, а ужъ и плачешься. Подожди-ка, сударчикъ, узнаешь, что это были цвѣшки-а ягодки впереди. »

« Коли ты не шутишь, Грицко, то придется хошь бѣжать, или кинушься въ воду.»

« Чего добраго! . . . . » примолвилъ Самусь, начальствовавшій сею четвертою лодкою. « Ермакъ, ничего глядя, поднялъ голову выше пискуна, который однимъ плевкомъ вчера чуть всѣхъ насъ не перетопилъ.»

« Эко диво, братцы, этотъ проклятой камешекъ ! » продолжалъ Коржъ, «вода такъ и пищитъ, такъ и скачетъ вкругъ его бѣлымъ клю-

чемъ, а миновать нельзя—усѣлся какъ медвѣдь на самой срединѣ.»

«Говорятъ, что впереди еще около десятка такихъ медвѣжатъ. Есть чѣмъ позабавиться.»

«То-то и забава, коли со лба каплетъ кровь вмѣсто пота!» сказалъ забавникъ, улыбаясь.

Между тѣмъ передовыя лодки, на которыхъ находился предводитель съ Шаманомъ, открыли себѣ путь и дали знать, чтобъ всѣ прочія проходили, между третею и четвертою скалами, перегородившими рѣку.

«Утри слезы-то,» закричалъ Коржъ Чабану, вотъ тебѣ и коровайчи, свѣжинькіе, теплинькіе, такъ и отрѣзалъ бы краюшечку, да и въ ротъ, а коли охота придетъ запить лакомой кусочикъ, то позѣвай только.....

« Тебѣ все шутки, » ворчалъ Чабанъ, «а мнѣ право не до нихъ. »

И въ самомъ дѣлѣ, нельзя было найти ближайшаго сходства, какъ съ кораваями въ пяти шарообразныхъ каменьяхъ, возвышавшихся посреди рѣки. Только одинъ изъ нихъ отличался отъ прочихъ своимъ видомъ, и остроумный Коржъ не упустилъ и ему сдѣлать самаго вѣрнаго уподобленія. Не смотря на величайшую опасность, которая угрожала лодкѣ, когда на баграхъ они перебирались по бѣлому гребню, кипѣвшему подъ навѣсомъ сего камня, онъ закричалъ робкому Чабану, дрожащему отъ страха:

« Смотри, берегись, не задѣнь молодца-то, онъ того и смотритъ, чтобъ дать тебѣ плюху, вишь размахнулъ руками, славно бьется на кулачки.»

Исторія умалчиваетъ, не съ тѣхъ ли поръ одинъ изъ Мултянскихъ камней, называется бойцемъ; по крайней мѣрѣ можно полагать, что онъ мало измѣнился, ибо и теперь почитается самою опасною скалою для судоходства по Чусовой, и теперь гранитный исполинъ сей кажется размахивающимъ руками отъ ужаснаго колебанія лодки, проходящей подъ его грозною десницей. Тѣмъ болѣе при порывахъ сильнаго вѣтра, оптической обманъ сей долженъ былъ показаться Чабану правдоподобнымъ.

Такимъ образомъ въ продолженіи двадцати дней поднялась флотилія Ермакова вверхъ по Чусовой до устья Серебрянки, преодолѣвая величайшія трудности и опасности; такимъ образомъ прошли они благополучно многіе подводные камни,

о которые нерѣдко и теперь разбиваются суда во время весенняго сплаву, хотя нѣтъ пловца, который бы не принялъ мѣръ осторожности, приближаясь къ Чашавой удѣ, Соколу, Гребешкамъ, Бражкѣ, Шилу, Носку, Волегову камню, Горчаку, Разбойнику, Мулшыню, Пискуну, и проч.

При устьѣ Серебрянки Ермакъ велѣлъ остановиться, и какъ будто нарочно избралъ для того самое пріятное и удобное мѣсто. Дикіе берега Чусовой, возвышающіеся подобно крѣпостнымъ стѣнамъ, хотя представляли разнообразныя, часто поразительныя картины; но не позволяя глазу блуждать за предѣлами твердыни своей, скоро утомляли зрѣніе и воображеніе. Напротивъ шого берега Серебрянки слились тутъ ровными покатостями, осѣ-

ненными въ разныхъ мѣстахъ кедровыми рощами, изъ-за коихъ Рифейскіе гиганты выказывали гордое чело свое.

Отдохнувъ два дня, козаки пустились далѣе по Серебрянкѣ. Здѣсь представились нашимъ странникамъ новаго рода затрудненія; рѣка во многихъ мѣстахъ была такъ мелка, что, при всѣхъ усиліяхъ, невозможно было тащить лодокъ вверьхъ. Сначала прорывали на меляхъ каналы или проходы; но какъ мели сіи дѣлались часъ отъ часу чаще, то изобрѣтательный умъ Ермака придумалъ новое средство, которое совершенно удалось и облегчило плаваніе. Онъ приказалъ сшить нѣсколько парусовъ вмѣстѣ и прикрѣпивъ къ одной сторонѣ тяжелые камни, а къ бокамъ длинныя жерди, запружалъ ими рѣку в всю ширину

ея, подобно плотинамъ, и когда прибылою водою снимались суда съ мели, онъ повторялъ этотъ способъ при другой. Только ежедневно увеличивающійся холодъ дѣлалъ сію работу нестерпимою. Свыше силъ человѣческихъ было бороться съ студеною водою, стоя въ ней нѣсколько часовъ по поясъ. Много оказалось больныхъ, особенно между Нѣмцами; послышался всеобщій ропотъ.

Кажется и предводитель выбиралъ только удобное мѣсто для стоянки, ибо едва онъ замѣтилъ на правомъ берегу высокій мысъ, подобный тому, который описали мы на Силвѣ, то и приказалъ остановиться. Скоро пронесся слухъ, что Ермакъ намѣренъ провесть здѣсь зиму, дабы въ продолженіе сего времени развѣдать самому легчайшій

путь за хребетъ Урала. Продовольствія оставалось еще на нѣсколько мѣсяцевъ; къ тому же Уркунду удостовѣрилъ его, что кочующіе въ окрестностяхъ народы, въ состояніи достаточно снабдить дружину его всѣми жизненными потребностями, да и рыбная и звѣриная охоты въ привольномъ здѣшнемъ краю, могли содѣйствовать къ ихъ безбѣдному содержанію. Ермакъ, не теряя времени, приступилъ къ исполненію своего намѣренія.

Хотя мысъ со стороны рѣки былъ весьма крутъ и почти не приступенъ, а съ другихъ двухъ ограждался глубокими оврагами, въ одномъ изъ коихъ струилась небольшая рѣчка, Кукуемъ прозванная, по безпрерывному стоку водъ своихъ, походившему на крикъ кокушки, совсѣмъ шѣмъ Ермакъ приказалъ об-

несли его высокимъ, частымъ тыномъ. На другой же день раздался въ прибрежныхъ дубравахъ незнакомый дотолѣ стукъ топоровъ, и мастистые кедры и лиственицы, посмѣвавшіяся нѣсколько вѣковъ усиліямъ разрушительныхъ стихій, были въ одно мгновеніе повержены и увлечены далеко отъ своей родины. Ахъ! сколь часто судьба играетъ подобно сему и существами чувствительными, сколь часто, отрывая отъ пепелищъ, отъ всего милаго, бросаетъ ихъ въ море страстей и бѣдствій — для видовъ общей пользы.

Козаки работали такъ дружно, такъ успѣшно, что не болѣе какъ въ двѣ недѣли, поспѣла грозная крѣпость, а морозы застали уже переселенцевъ нашихъ въ теплыхъ избахъ и юртахъ. Съ лодокъ перене-

сены были въ новую крѣпость, не только всѣ снасти и скарбъ, но пушки, знамена; первыя разставлены были по угламъ острога, а вторыя помѣщены, вмѣсто хоругвей въ часовнѣ, которая выстроена была вмѣстѣ съ крѣпостію. Въ скоросши, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, дикая скала, на которой, можетъ быть, отъ созданія свѣта не была нога человѣческая, приняла видъ города, коего слѣды не изгладились еще вѣками, доселѣ мѣсто сіе извѣстно подъ именемъ Ермакова Городища, а козаками называлось Кукуемъ.

малѣйшаго пріюта отъ люотости стихій, безъ малѣйшей надежды въ помощи, въ случаѣ голода, кромѣ своей пищали. Къ тому еще Ермакъ не надѣялся, чтобъ козаки въ состояніи были пройти на лыжахъ столь большое пространство, ибо для того требовался большой навыкъ. А потому онъ нѣкоторымъ образомъ обрадовался, когда Гроза добровольно вызвался на сіе предпріятіе. Грозѣ необходимо было нужно разсѣяніе въ его грустномъ положеніи, а потому другъ его Уркунду присовѣтовалъ ему предложить себя для сей посылки, взявшись быть его проводникомъ.

При доброй волѣ нѣтъ ничего невозможнаго, къ счастію и въ характерѣ Русскаго человѣка есть — ни отъ чего не отказываться, ни отъ чего не приходить въ отчая-

ніе. Тотчасъ поспѣли лыжи и козаки, коихъ нашлось до 50 охотниковъ съ Грозою, хотя сначала и позапруднились въ управленіи сими Сибирскими конями, но вскорѣ дѣло пошло на ладъ и черезъ нѣсколько дней уже ни одинъ козакъ не отставалъ отъ Уркунду, который считался отличнымъ ходокомъ на лыжахъ.

Теперь взглянемъ, что дѣлалось въ Каргеданѣ. Фонъ-Рекъ занялъ тамъ первое мѣсто, и до такой степени вкрался въ довѣренность добродушнаго Максима Яковлевича, что сдѣлался лучшимъ его другомъ и совѣтникомъ. Уже онъ, сопутствуя часто Максиму Яковлевичу въ сокровенности теремовъ, надѣялся, если не пріобрѣсть сердце неприступной Татьяны, то пріучивъ ее къ себѣ, сдѣлаться ей не-

ГЛАВА VII.

Отправленіе Грозы въ Орелъ-городокъ. — Успѣхи рыцаря въ любви. — Приключенія Грозы на лыжахъ. — Сѣверное сіяніе. — Осада Пелымцами Орла-городка. — Избавленіе. — Похищеніе. — Смерть рыцаря.

Ермаку весьма хотѣлось подать о себѣ вѣсточку Строгоновымъ, но долго не зналъ, какъ приступить къ тому. Ему жалко было подвергнуть каждаго изъ Атамановъ и козаковъ тѣмъ трудностямъ и опасностямъ, которыя сопряжены были съ симъ путешествіемъ по снѣжнымъ степямъ и сугробамъ, безъ

обходимымъ. Тѣмъ болѣе могъ онъ ласкаться въ успѣхѣ своихъ намѣреній, что и добрый старикъ Орелъ совершенно въ него ввѣрился, особливо когда замѣтилъ, что рыцарь сталъ ходить часто въ церковь, не пропускалъ ни обѣдни, ни заутрени. Набожный Денисъ радовался, что совѣтами своими спасаетъ душу рыцаря отъ мукъ адскихъ, ласкаясь надеждою, что по настоянію его, онъ скоро перемѣнитъ бусурманскую вѣру свою на Рускую, православную, а творя безпрестанно земные поклоны—не видалъ, что онъ никогда не крестился, и болѣе пялилъ глаза въ лѣвую сторону къ паперти, гдѣ стояла Татьяна, чѣмъ на святыя иконы.

Владиміръ съ твердостію перенесъ всѣ трудности пути, подавая вездѣ собою примѣръ къ преодолѣнію

оныхъ. Уркунду, какъ опытный Сибирякъ, избѣгалъ крутостей, на которыя весьма трудно взбираться, равномѣрно и спускаться на лыжахъ. Къ счастію, увеличивающіеся ежедневно морозы облегчали ихъ путешествіе: они летѣли по снѣжнымъ, рыхлымъ сугробамъ, какъ по крѣпкому, гладкому льду: лѣса, долы мелькали предъ ними, какъ привидѣнія.

« Право, важная выдумка, эти лыжи, » сказалъ одинъ козакъ, подбѣжавъ на нихъ къ Ашаману Грозѣ. «Ухищряетъ же Богъ человѣка! »

« Да, землякъ, безъ нихъ и житья не было бы людямъ въ полуночной странѣ.»

Едва Гроза выговорилъ слова сіи, какъ увидѣли, будто въ подтвержденіе оныхъ, забавную борьбу одного козака съ ужаснымъ медвѣ-

демъ. Донецъ, пробѣгая близъ одной колоды, замѣтилъ подъ нею звѣря: онъ не выдержалъ, чтобъ не пырнуть его рогатиной, которую употребляютъ всѣ путешествующіе на лыжахъ, вмѣсто палки; но хотя ударъ былъ силенъ и мѣткъ, однако недостаточенъ, чтобъ нанесть смертную рану мощному звѣрю, а только привелъ его въ ярость медвѣдь выскочилъ изъ берлоги и пустился въ преслѣдованіе своего непріятеля, но утопая въ рыхломъ снѣгу, не могъ никакъ догнать козака, который чтобъ утомить его, нарочно заводилъ его въ глубокіе рвы, и наконецъ отбѣжавъ отъ него на нѣсколько шаговъ — выстрѣлилъ изъ пищали, чѣмъ и довершилъ побѣду.

По примѣтамъ Шамана недалеко находился и Орелъ-городокъ. Къ разсвѣту на другой день должны

были достичь до него, или рѣшаться бѣжать ночью при свѣтѣ сѣвѣрнаго сіянія, горѣвшаго какъ нарочно самыми яркими, разноцвѣтными огнями. Тысячи метеоровъ разсыпались въ воздушныхъ пустыняхъ яхонтовыми и алмазными блестками и освѣщали тьму небесную. Разумѣется, что всѣ согласились сдѣлать послѣднее усиліе, не смотря на рѣзкій вѣтеръ, дувшій съ Сѣверо-запада прямо имъ въ лице и захватывавшій духъ. Вдругъ Шаманъ далъ знакъ, чтобъ остановились, и подойдя къ Грозѣ, сказалъ: «Атаманъ! не слышишь ли ты какого шума со стороны крѣпости.»

«Нѣтъ,» отвѣчалъ Гроза.

«Ну, такъ я слышу, и слышу голоса моей братьи. Подожди, я сбѣгаю поближе и принесу вамъ языкъ.»

Какъ ни горѣлъ Владиміръ нетерпѣніемъ, но по обязанности начальника не пренебрегать никакою осторожностію, вынужденнымъ нашелся воздержать свой порывъ. Впрочемъ не прошло и часу, какъ Уркунду возвратился. Замѣтно было какое-то безпокойство и особенная поспѣшность, съ которыми отыскалъ онъ Грозу. «Ну, сказалъ онъ, я правду тебѣ говорилъ.»

«Что такое,» спросилъ Атаманъ?

«То, что въ Орлѣ нездорово.»

«Оканчивай скорѣе,» вскричалъ, потерявъ терпѣніе Гроза.

«Я кончу, а чтобъ тамъ не прежде меня кончили.»

«Не мучь, ради Бога...»

«Нечего терять время. Если мы не спасемъ, то Каргеданъ будетъ взятъ и разграбленъ Пелымцами.»

«Возможно-ли?»

«Да! я чуть самъ въ теми не попался имъ въ лапы. Спасибо упала звѣздочка съ неба, и я увидѣлъ, что вокругъ города чернѣется какъ муравейникъ. Вопъ я прислонился за дерево и вперилъ глаза. Они примолкли, а это знакъ, что скоро кинутся на крѣпость.... Чу! какъ завыли! пора и намъ за дѣло. Мы нападемъ на нихъ какъ снѣгъ на голову. Приготовьте фузеи!»

Между тѣмъ молодая луна показала свѣтлые рога свои; предметы спали явственнѣе. Уральцы наши летѣли какъ на крыльяхъ. Ревъ и вой осаждающихъ увеличивался болѣе и болѣе, послышались плачь и рыданія осажденныхъ. Подойдя къ берегу, козаки наши остановились подъ закрытіемъ лѣса, который здѣсь доходилъ до самой рѣки. Гроза тотчасъ сдѣлалъ свои распоряже-

нія. Съ двадцатью отборнѣйшими положилъ напасть на средину, гдѣ варвары напирали всѣми силами, дабы выломить ворота, остальныхъ 30 козаковъ раздѣлилъ на двѣ половины: одной назначилъ идти въ обходъ къ западнымъ воротамъ, предполагая, что непріятель не упуститъ сдѣлать нападенія и на сію часть крѣпости, какъ менѣе другихъ защищаемую, а другой приказалъ показываться въ разныхъ мѣстахъ, пробѣгая по-за деревьямъ послѣ каждаго залпа, дабы ввести варваровъ въ заблужденіе на счетъ многолюдства.

Сказано, сдѣлано. Желѣзныя ворота крѣпости начали уступать усиліямъ, какъ вдругъ грянувшій позади громъ, поразившій нѣсколькихъ самыхъ отважнѣйшихъ изъ варваровъ, привелъ ихъ въ страхъ. Они

оставались еще въ недоумѣніи, какъ новый подобный ударъ съ другой стороны поразилъ ихъ столь же неожиданно и убійственно, а въ тоже время налетѣлъ Гроза съ отважными товарищами своими. Пелымцы дрогнули и обратились въ бѣгство.

Весьма было бы неблагоразумно преслѣдовать ихъ, ибо они могли скоро придти въ себя отъ паническаго страха и открыть малолюдство непріятеля, а потому Гроза велѣлъ сдѣлать по бѣглецамъ только нѣсколько залповъ изъ пищалей, а самъ возвратился къ крѣпостнымъ воротамъ. Но онъ не мало удивился, найдя ихъ по прежнему заваленными, и, не получая ни малѣйшаго отвѣта на окрикъ свой, между тѣмъ какъ внутри слышался звукъ сѣчи и голоса отчаянія.

Гроза, не теряя времени, кинулся съ своими козаками къ заднимъ воротамъ. Несмотря на запальчивость свою, онъ замѣшилъ однако нѣсколько нартъ, запряженныхъ оленями, которые спускались подъ гору съ быстротою молніи. Атаманъ отправилъ тотчасъ за ними въ погоню четверыхъ надежныхъ молодцевъ на лыжахъ, а самъ съ прочими поспѣшилъ обойти крѣпость. Въ это самое мгновеніе, отправленные имъ въ обходъ 15 козаковъ приближались съ другой стороны, такъ что они вмѣстѣ вошли въ ворота, но съ первымъ шагомъ были ослѣплены заревомъ пожара. Слабыя дружины осаждавшихъ оказывали малое сопротивленіе. Вогулы и Остяки съ дикимъ воемъ рыскали по всему городу, забирая плѣнныхъ и имущество; одна казенка, благо-

даря крѣпкимъ желѣзнымъ запворамъ своимъ сопротивлялась еще ихъ усиліямъ, какъ появленіе Грозы измѣнило въ одну минуту участь войны, въ одну минуту дикари были истреблены или прогнаны. Пламя, обхватившее церковь и палаты, потушено и осажденные ожили отъ страха. *Но къ величайшему всѣхъ отчаянію и печали не показывался* ни Максимъ Яковлевичь, ни старикъ Денисъ, равно и кинувшійся въ терема Гроза не нашелъ тамъ Татьяны. Не знали, на что подумать, какъ вылѣзшая изъ печи карлица Аниска, объявила, что въ то время, какъ Вогулы ворвались въ городъ, прибѣжалъ къ нимъ подьячій Ласка и именемъ Максима Яковлевича приказалъ боярышнѣ за собою слѣдовать, а имъ запретилъ и носу не показывать. Въ слѣдъ за симъ

нашли и Максима Яковлевича въ погребу съ завязанными крѣпко назадъ руками. Къ счастію не успѣли еще объявить ему объ упрашѣ его дочери, какъ вбѣжавшій Уркунду принесъ радостную вѣсть о возвращеніи ея. По необыкновенной смѣтливости своей онъ пустился въ погоню за бѣглецами прежде, чѣмъ *Гроза отправилъ* за ними четырехъ козаковъ; не смотря на то, онъ едва могъ догнать заднія санки, и то отъ того, что одинъ изъ оленей, въ нихъ запряженныхъ, споткнувшись упалъ. Но Уркунду не только не сладилъ бы съ злодѣемъ, защищавшимъ свою добычу, но сдѣлался бъ жертвою его искусства владѣть мечемъ, если бъ не подоспѣли скоро четыре козака, посланные Грозою въ догоню за бѣглецами. Ба! вскричалъ одинъ изъ

козаковъ, да эшотъ звѣрокъ знакомаго десяшку ; нѣшъ, брашцы, его не взяшь живьемъ, вишь онъ бьешся на смерпь; грѣхъ умерешь опъ его руки, а лучше его самаго попѣшишь. Онъ взвелъ курокъ, прицѣлился и разбойникъ повалился безъ чувспвъ.

Къ *общему удивленію* узнали въ немъ рыцаря *Река*, а въ *нарпахъ*, которыя онъ оспоривалъ съ шакимъ ожесточеніемъ, нашли дочь Максима Яковлевича безъ памяши лежавшею въ нихъ съ привязанными руками.

Первымъ чувспвомъ именишаго человѣка было принесшь возблагодареніе Господу Богу, за чудесное спасеніе себя и своего семейства. Между шѣмъ и прекрасная Тапьяна пришла въ себя, а когда опдохнулъ и бѣдный спарикъ Денисъ опъ спра-

ха и побой, то все пришло въ обыкновенный порядокъ и водворилось даже веселіе въ домочадцахъ.

Послѣ сего разсказалъ Строгоновъ, что съ недѣлю назадъ явился къ нему неожиданно Ласка, съ доносомъ на Ермака Тимофеевича, жалуясь, что будто онъ не слушаясь его, пошелъ, Богъ знаетъ, за чѣмъ въ Силву и выбравъ тамъ неприступное мѣсто, выстроилъ крѣпость. Мало-ли что говорилъ злодѣй, желая возбудить его недовѣріе или непріязненность къ Атаману, даже намѣкалъ, что сей послѣдній врядъ ли не имѣетъ въ головѣ намѣренія соединиться съ Кучумомъ и напасть на Великую Пермь; что изъ усердія къ своему благодѣтелю пренебрегъ онъ опасностію, и пришелъ ему донесть обо всемъ этомъ. Если сіи навѣты не имѣли

вліянія на умнаго Строгонова и только привели въ страхъ слабаго старика, що подѣйствовали на шаткій и измѣнчивый духъ рыцаря.

Должно полагать, что хитрый Ласка, дабы поколебать его болѣе въ вѣрности, подалъ ему или по крайней мѣрѣ подкрѣпилъ его въ мысли о похищеніи прекрасной Татьяны, обнадеживъ въ сильной защитѣ Перепелицына. Иначе, конечно, плѣнникъ не рѣшился бы на такой гнусный поступокъ неблагодарности и романизма, хотя правду сказать не разъ пускался онъ на подвиги влюбленнаго рыцаря, какъ то: передѣванья и т. п. чшобъ встрѣтить взоръ своей любезной, подвиги уважаемые въ Германіи, но неизвѣстные шогда не только въ дикой Перми, даже и въ Москвѣ бѣлокаменной.

«А прокляпый измѣнникъ Ласка, сказалъ Денисъ, все добивался у меня ключей отъ казенки. Не дамъ, сказалъ я ему, начисто, хоть убей, и Богъ сподобилъ меня перенесть муки, которыя выдумывалъ злодѣй, чтобъ заставить меня признаться, гдѣ они спрятаны.»

«Я защищалъ съ вѣрными слугами моими входъ въ теремъ Танюши,» присовокупилъ Максимъ Яковлевичь, и съ помощію Божіею, мы отстояли бы его, положивъ на мѣстѣ болѣе десяти бусурмановъ, еслибъ коварный Рекъ не схватилъ меня сзади и связавъ руки, не кинулъ въ погребъ.»

Право избавителя сблизило еще болѣе Грозу съ Строгоновымъ, и увы! раздуло пламя любви безнадежной въ сердцѣ прекрасной его дочери. Бывали минуты, что Мак-

симъ Яковлевичь, отгадывая ея чувства, рѣшался отказаться отъ честолюбивыхъ своихъ замысловъ на Ермака Тимофеевича, бывали минуты, что и робкая, скромная Татьяна готова была признаться въ своей страсти доброму отцу своему, и вѣрный Владиміръ желалъ бы, чтобы сердце его было свободно, дабы онъ могъ составить счастіе прелестной Татьяны.

ГЛАВА VIII.

Строгость Ермака Тимофеевича къ своимъ подчиненнымъ. — Устройство дружины. — Прибытіе въ Чердынь Аничкова. — Нерѣшимость его объявить Строгонову грозную Царскую грамоту. — Ненависть Воеводы Перепелицына къ Строгонову.

Можно съ достовѣрностію полагать, что убѣжденіе въ покровительствѣ Неба цѣломудрію и воздержанію, было началомъ всѣхъ рыцарскихъ общинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ заключало въ себѣ неоспоримую истину; ибо естественно отъ умѣ-

ренности мужаютъ и укрѣпляются силы физическія, а отъ чистоты нравовъ и укрощенія страстей возвышается самый духъ человѣка. И Ермакъ, желая содѣлаться достойнымъ Христовымъ воиномъ, выполнялъ съ точностію всѣ заповѣди Господни и обязанности православной вѣры, требуя того же и отъ своей дружины. Малѣйшее отступленіе отъ сихъ правилъ взыскивалось съ неумытною строгостію; а какъ въ терпѣніи, кротости и нелицемѣрной набожности вождь подавалъ собою примѣръ, то самые строптивые изъ дружины не смѣли роптать и подвергались безусловно опредѣляемымъ для нихъ наказаніямъ. Эта строгость была необходима для удержанія въ подчиненности и порядкѣ вольницы, составленной изъ людей буйныхъ,

мятежныхъ, привыкшихъ къ свободѣ и самовольству. Потому тѣмъ удивительнѣе было найти въ Кукуѣ тишину и благочиніе монастырское, а пространную часовню, въ которой отправлялась ежедневно божественная служба тремя священниками и монахомъ, согласившимися сопутствовать Ермаку, видѣть всегда наполненною богомольцами. Умѣренность и великодушіе крѣпко подтверждались, козацкимъ отрядамъ отправляемымъ къ сосѣдственнымъ Вогуламъ и Остякамъ за припасами. Ермакъ, имѣя въ виду обращеніе язычниковъ въ Христіанскую вѣру, нерѣдко посылалъ съ ними священниковъ, но старанія ихъ были, кажется, тщетны; дикіе сильно держались своего шаманства и никакъ не хотѣли съ нимъ разстаться.

Весьма естественно, что каковъ бы ни былъ раздѣлъ собственности, пріобрѣтенной великими трудами, съ гостями незваными, но не могъ нравиться и кочующему народу, а потому къ концу зимы козаки нашли всѣ пустыни оставленными жителями и вынуждены были сами опыскивать запасы рыбы и медвѣжьяго мяса, которые дикари обыкновенно сохраняютъ въ кучахъ или ямахъ по берегамъ рѣкъ. Смышленость, свойственная Русскому человѣку, и при семъ случаѣ научила козаковъ легкому способу опыскивать сіи житницы. Они находили ихъ собаками, которымъ нарочно для того не давали по нѣсколько дней ѣсть; голодъ изощрялъ и безъ того тонкое обоняніе живопныхъ, такъ что ни толщина льду, коимъ обыкновенно Сибиряки

прикрываютъ свои запасы отъ хищничества волковъ, ни глубина враговъ, не спасли ихъ отъ прозорливости козаковъ, и воины Ермаковы возвращались всегда въ Кокуй съ богатыми грузами жизненныхъ припасовъ, расплачиваясь иногда только отмороженными носами и ушами. Совсѣмъ другой пріемъ оказанъ былъ имъ по другую сторону Рифея. Изъ партіи, которую отправилъ Ермакъ на Тагиль для развѣдки, едва спаслись два человѣка, чтобъ возвѣстить о погибели своихъ товарищей: одинъ Мурза напалъ на нихъ неожиданно при рѣкѣ Нейвѣ съ кучею Татаръ и Вогуличей и побилъ всѣхъ до единаго.

Кромѣ сей неудачи, жизнь козаковъ въ Кокуѣ, текла довольно спокойно и одинаково. Совершенно прошивное происходило въ Карге-

данѣ. Тамъ безпокойства и огорченія какъ будто смѣняли одно другое, навѣваясь большею частію изъ Чердыни, такъ что скромный, кроткій Максимъ Яковлевичь вынужденнымъ нашелся замѣтить Перепелицыну, что онъ обязанъ отчетомъ въ своихъ поступкахъ одному только Царю и умѣетъ защищать себя. Эта рѣшительность укротила на нѣкоторое время Воеводу Царскаго, но вскорѣ послѣ Рождества Христова, почти недѣль черезъ десять по отраженіи Пелымцевъ и прогнаніи ихъ изъ Великой Перміи, распространился слухъ, что въ Чердынь пріѣхалъ отъ Царя новый Воевода—судить Строгоновыхъ. Хотя слухъ сей казался новымъ исчадіемъ злобы Перепелицына, у коего предатель Ласка былъ въ особенной милости,

не смотря на то Максимъ Яковлевичь пріостановилъ отъѣздъ Грозы, который горѣлъ нетерпѣніемъ соединиться съ Ермакомъ, дабы въ трудахъ и опасностяхъ заглушить грусть, снѣдавшую его сердце. Но вотъ прошло уже болѣе недѣли, а изъ Чердыни небыло никакой вѣсти. Максимъ Яковлевичь не хотѣлъ болѣе останавливать дорогаго гостя и отпустилъ его съ благословеніемъ, надѣливъ щедро всякими припасами и снарядами. Съ какимъ чувствомъ разсталась Татьяна съ любимцемъ души своей, это осталось ея тайною, только домашніе замѣтили, что она часъ отъ часу становилась грустнѣе и мрачнѣе, что съ каждымъ днемъ увядала красота ея, какъ розовъ цвѣтъ!

Слухъ о присылкѣ въ Чердынь грознаго Воеводы былъ достовѣренъ: точно, въ столицу Великой Перміи, прибылъ Воинъ Аничковъ, одинъ изъ любимыхъ опричниковъ Іоанновыхъ. Странно было только то, что сей надмѣнный, по видимому неустрашимый Воевода, медлилъ, какъ будто отъ страха, объявить Строгонову Царскую волю.

Тамъ, въ это время, въ свѣтлицѣ довольно пространной, но ни чѣмъ не отличающейся отъ нынѣшнихъ бѣлыхъ избъ крестьянскихъ, ходилъ мѣрными шагами взадъ и впередъ тучный мужчина лѣтъ сорока, съ лысою головою, лукавымъ взглядомъ, непріятной наружности. По временамъ кидалъ онъ радостные взоры на раскрытый желѣзный сундукъ, гдѣ сверху множества сверпковъ видѣнъ былъ лубокъ, завязан-

ный краснымъ шнуркомъ, и воскли-
цалъ: « Подожди именитый скряга,
« выучимъ тебя уважать Царскаго
« Воеводу, собьемъ спѣсь. Радъ бу-
« дешь подѣлиться послѣднимъ ал-
« тыѣномъ, да лихъ поздно! Потомъ,
подумавъ, онъ продолжалъ говорить
съ собою: « Удивительно, непо-
« нятно, для чего Аничковъ мед-
« литъ показать мнѣ и отвезть къ
« нему опальную грамоту. Все зав-
« тра, да завтра! Ужъ побоится ли
« онъ головорѣза Сипскаго, а теперь
« то бы захвативъ его и потѣшить
« батюшку Царя, или скрываетъ
« онъ отъ меня какія ни есть тай-
« ныя повелѣнія? Надобно испы-
« тать. » Говоря это толстякъ
нѣсколько разъ останавливался у кра-
снаго окошка и пытался теплымъ
дыханіемъ своимъ сдѣлать проша-
лину на крѣпкой ледяной ко́рѣ, по-

крывавшей стекло. Когда удалось ему прочистить тамъ скважинку, то припалъ онъ къ окошку и долго смотрѣлъ въ нее, дѣлая по временамъ скромные возгласы: «Плутъ! мошенникъ! предатель! постой, будешь скоро въ моихъ рукахъ.» Проглядѣлъ ли онъ, или Ласка подошелъ невидимкою, только не успѣлъ онъ отскочить отъ своего поста; и принять обычную свою личину, когда сей послѣдній проговорилъ уже полное донесеніе объ отъѣздѣ Грозы изъ Каргедана.

«Тѣмъ лучше, отвѣчалъ толстый человѣкъ, въ коемъ читатель безъ сомнѣнія узналъ уже давно Чердынскаго Воеводу Перепелицына. «Надобно увѣдомить Аничкова.» При этомъ словѣ онъ быстро взглянулъ на Ласку, но старый плутъ уга-

дывая мысли Воеводы, не показалъ ни малѣйшаго измѣненія въ лицѣ и отвѣчалъ съ хладнокровіемъ.

« Воину Михайловичу не велико до этого дѣло. »

« Какъ не велико,» сказалъ съ сердцемъ Перепелицынъ, « развѣ не его выжидалъ онъ, чтобъ ѣхать въ Каргеданъ ? »

« Для него все равно: тамъ ли Гроза или нѣтъ, а худо то, что допустили его, проклятаго, уговорить Строгонова всѣхъ своихъ домочадцевъ, соловаровъ и крестьянъ перекрестить въ рашники. Имъ роздалъ онъ рогатины, мечи и самопалы. Подумай-ка, теперь не только Пелымцы, да самъ Царь Сибирской наскочитъ на Строгонова. »

Ермакъ давно подавалъ ему эту мысль, да поколѣ и завѣдывалъ счетною избою, то все дулъ въ уши

старому Денису, чтобъ этаго не заводить и потому и посему . . . . .

«Что жъ ты думаешь, развѣ Строгоновъ посмѣетъ воспротивиться волѣ Царской? — Кабы Его Царское Величество приказалъ мнѣ раздѣлаться съ этимъ бунтовщикомъ, то. . . . .

«То ты первый бы струсилъ,» проворчалъ Ласка въ полголоса, глядя въ скважину окна.

«Что ты тутъ бурчишь просебя,» спросилъ съ гнѣвомъ Перепелицынъ, какъ будто вслушавшись въ его рѣчи.

«То, отвѣчалъ хладнокровно Подъячій, что къ тебѣ жалуетъ Воинъ Михайловичь.»

Въ эту минуту распахнулась дверь и туча сѣдаго тумана, подобно дыму, вырывающемуся изъ внутренности зданій, обхваченныхъ

огнемъ, разлилась по полу теплой свѣтлицы. Когда исчезъ сей вѣстникъ 30-ти градуснаго мороза, то увидѣли посреди горницы высокаго, сухощаваго мужчину, съ лицемъ носящимъ на себѣ вывѣску пылкихъ страстей. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій съ обѣихъ сторокъ, Аничковъ сѣлъ подъ образа и спросилъ у хозяина: « ну, что у васъ новинькаго, Василій Степановичь? »

« Кажется ты, Воинъ Михайловичь, прежде меня узналь про нашу новость, » отвѣчалъ Перепелицынъ, кинувъ испытующій взглядъ на Ласку.

« Ты разумѣешь про уходъ Сипскаго изъ Каргедана, эшо еще не велика бѣда, а вотъ бѣда, что Максимъ не дается намъ. »

«Неужто еще мало, что уговорили его жаловаться Царю на своего брата?»

«Мало? нужно разсорить ихъ допюго, чтобъ они раздѣлились между собою. Пожалѣешь, не хотя, что нѣтъ тамъ Ласки, онъ бы это устроилъ.»

«Много милости, батюшка, Воинъ Михайловичь, по этому дѣлу и отсюда помочь можно, стоитъ только уходить стараго хрыча Васильича. Онъ одинъ только умѣетъ еще ладить съ Никитою и стращаетъ его какими-то притчами.

«Уходить! легко сказать,» замѣтилъ Перепелицынъ, «а сдѣлай-ка, такъ и не раздѣлаешся съ Максимомъ. Строгоновъ за каждаго изъ своихъ лезетъ въ гору, а за старика доберется, пожалуй, до самаго Царя.»

« Но если это для пользы службы его Царскаго Величества, » сказалъ Аничковъ. «Ты самъ писалъ къ Государю, Василій Степановичь, что Максимъ Строгоновъ замыслилъ недоброе съ бѣглыми Волжскими разбойниками. »

« Кажется ты въ томъ убѣдился, *хотьнедолго* еще съ нами пожилъ. Грамотки Мещеряка у тебя въ рукахъ. Если Царь еще милуетъ этихъ бунтовщиковъ, по крайней мѣрѣ по дѣломъ бы отобрать у нихъ управныя грамоты и указать вѣдаться въ Чердынѣ.. . . »

« Увидимъ, а сперва отвеземъ завтра въ Каргеданъ опальную Царскую грамоту. Гдѣ она у тебя, Василій Степановичь? »

« Здѣсь, отвѣчалъ Перепелицынъ, подавъ ему изъ сундука замѣченный выше лубокъ.

Аничковъ, вынувъ изъ него огромный листъ за черною восковою печатью, приказалъ Ласкѣ читать вслухъ. Подъячій, прокашлявшись, погладивъ рѣдкую свою бороду и расправивъ усы, подобные копинымъ, почти на распѣвъ, не останавливаясь провозгласилъ слѣдующее:

« Отъ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи, въ Чусовую, Максиму Яковлеву сыну, да Микитѣ Григорьеву сыну Строгоновымъ, писалъ къ намъ изъ Перміи Василій Перепелицынъ, что послали вы изъ остроговъ своихъ Волгскихъ Атамановъ и козаковъ Ермака съ товарищи воевать Вотяки и Вогуличей и Пелымскія и Сибирскія мѣста Сентября въ 1 день, а въ тотъ же день собрався Пелымскій Князь съ Сибирски-

ми людьми и съ Вогуличи приходилъ войною на наши Пермскія мѣста, и къ городу Чердыни къ острогу приступалъ, и нашихъ людей побили и многія убытки людямъ починили; и то сдѣлалось вашею измѣною, вы Вогуличь и Вотяковъ и Пелымцовъ отъ нашего жалованья отвели, и ихъ задирали, и войною на нихъ приходили, да тѣмъ задоромъ съ Сибирскимъ Солтаномъ ссорили насъ, а Волжскихъ Атаамановъ къ себѣ призвавъ, воровъ наняли въ свои остроги безъ нашего Указу, а тѣ Атаманы и козаки передъ тою ссорили насъ съ Ногайскою ордою, пòсловъ Ногайскихъ на Волгѣ, на перевозахъ побивали и Ордобазарцевъ грабили и побивали и нашимъ людемъ многіе грабежи и убытки чинили и воровали; въ которой день къ Перми

къ Чердынѣ приходили Вогуличи Сентября въ 1 день и въ тотъ же день отъ тебя изъ остроговъ Ермакъ съ товарищи пошли воевать Вогуличи, а Перми ни чѣмъ не пособили, что все сталося вашимъ воровствомъ и измѣною, а только бы вы намъ служили, и вы бъ тѣхъ козаковъ въ тѣ поры въ войну не посылали, а послали ихъ и своихъ людей изъ своихъ остроговъ нашія земли Пермскія оберегать. И мы послали въ Пермь Воина Оничкова, и велѣли тѣхъ козаковъ Ермака съ товарищи взявъ отвезти въ Пермь и въ усолье Камское, и тутъ имъ стоять всѣми раздѣляся, и изъ тѣхъ мѣстъ на Пелымскаго Князя зимою на нартахъ ходить воевать велѣли есьмя тѣмъ всѣмъ козакамъ и Пермичамъ и Вятчанамъ съ своими по-

сланники съ Воиномъ Оничковымъ да съ Иваномъ съ Глуховымъ, чтобъ впредь воинскіе люди Пелымцы и Остяки и Вогуличи съ Сибирскими людьми на наши земли войною не пришли, и нашія земли не извоевали; а велѣли есьмя тѣмъ козакамъ быти въ Перміи до вины, и на Остяки и на Вогуличи ходити съ Воиномъ воевать, и ихъ въ нашу волю приводить по нашему Указу. А вы бъ пересылаясь въ Чердынь съ Васильемъ Перепелицынымъ и съ Воиномъ съ Аничковымъ посылали отъ себя воевать Вогуличь и Остяковъ, а однолично бъ естя по сей нашей грамотѣ козаковъ всѣхъ, кои только къ вамъ изъ войны пришли, послали ихъ въ Чердынь тотчасъ, и у себя ихъ не держали, а будетъ для приходу вамъ въ остротѣ быть нельзя, и

вы бъ у себя оставиди немногихъ людей, человѣкъ до сша съ которымъ Атаманомъ, а достальныхъ всѣхъ выслали въ Чердынь однолично тошчасъ. А не вышлите изъ остроговъ своихъ въ Пермь Волжскихъ козаковъ, Атамана Ермака Тимофеева съ товарищи, а учнете ихъ держать у себя, и Пермскихъ мѣстъ не учнете оберегати, и такою вашею измѣною, что надъ Пермскими мѣсты учиниться отъ Вогуличь, и отъ Пелымцевъ, и отъ Сибирскаго Солтана людей впредь, и намъ въ томъ на васъ опала положить большая. А атамановъ и козаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшати, и вы бъ тѣхъ козаковъ донолично отпустили отъ себя въ Пермь и нашимъ дѣломъ надъ Пе-

лымцы и на Вогуличи и на Вотяки промышляли по нашему указу, ссылаяся о томъ съ Васильемъ Перепелицынымъ и съ Воиномъ Аничковымъ, чтобъ далъ Богъ ихъ извоевать и въ нашу волю привесши, а Пермской земли и вашихъ остроговъ уберечи. Писана въ Москвѣ лѣта 7091 Ноября 16 дня.»

«За чьею *скрѣпою?* спросилъ Перепелицынъ, слушавшій съ величайшею внимательностію.

«Дьяка Андрея Щелкалова,» отвѣчалъ Ласка.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ .....
«.....» .....193 г.